

От "революции достоинства" до "русской весны"

МЕХАНИЗМЫ МОБИЛИЗАЦИИ, ИДЕНТИЧНОСТИ И
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ В УКРАИНСКОМ
КОНФЛИКТЕ 2013-2014 ГГ.

Оглавление

Введение	3
Методология исследования	4
Хронология событий	7
Первая часть. Майдан	
Требования и лозунги майдана	13
Эмоции в движении Майдана	16
«Украинцы», «русские» и «европейцы» в коллективной идентичности Майдана	20
Отношение Майдана к лидерам	28
Отношение Майдана к новой власти и государству: против системы, избегая «политики»	32
Будущее Украины глазами участников Майдана	36
Вторая часть. Антимайдан	
Требования и лозунги Антимайдана	40
Риторика Антимайдана: как активисты объясняли свое участие в протесте?	44
Эмоции в движении Антимайдана	47
«Украинцы», «русские» и «европейцы» в коллективной идентичности Антимайдана	50
Будущее Украины глазами участников Антимайдана	55
Третья часть. Общественная мобилизация в Крыму	
Хронология событий	58
Механизмы мобилизации	59
Риторика движения: как активисты объясняли свое участие в протесте?	62
Эмоции в крымском движении	65
Социальные проблемы в пророссийском движении: случай Керчи	66
Восприятие митингов и протестов как формы коллективного действия	68
Национальная идентичность	71

Четвертая часть. Майдан и Антимайдан: сравнение

Национальная идентичность майдана и Антимайдана	73
Национализм Майдана	73
Национальная идентичность Антимайдана	79
Региональная идентичность Майдана и Антимайдана	82
Харьков	82
Одесса	84
Взаимные стереотипы участников украинских протестов	88
Были ли в украинских протестах социальные требования?	92
Майдан и Антимайдан: общая повестка?	96
Заключение	100
Приложение	103

Введение

Данный отчет содержит предварительные результаты первого этапа исследования протестов в Украине и в Крыму в 2013-2014 годах. В июне и июле 2014 года сотрудники Лаборатории публичной социологии, автономного проекта на базе Центра независимых социологических исследований, (Максим Алюков, Светлана Ерпылева, Олег Журавлев, Андрей Невский, Наталья Савельева), а также - Александра Алексеева собрали 144 глубинных интервью со сторонниками Майдана и Антимайдана в пяти городах: Киеве, Харькове, Одессе, Керчи и Севастополе. Эти материалы легли в основу представленного здесь текста.

Наша цель состояла в том, чтобы понять субъективные предпосылки и последствия протестов. Нас интересовали мотивы присоединения к Майдану и Антимайдану, специфика участия людей в этих протестах и влияние протестов на жизни активистов и их отношение к политике. Основная задача этого отчета — показать широкой аудитории как можно более подробную и полную картину того, что нам самим удалось увидеть и услышать во время нашей поездки. Поэтому в этом тексте почти нет ссылок на научные работы других авторов или на статистику. Мы попытались дать слово сторонникам обоих лагерей, поэтому в нем много цитат и деталей, благодаря которым читатель сможет составить собственное мнение о произошедших событиях. Сам отчет разделен на тематические части: первая посвящена Майдану, вторая — Антимайдану в Харькове и Одессе, третья — пророссийскому движению в Крыму, и, наконец, четвертая — анализу сходств и различий Майдана и Антимайдана в целом.

Наконец, мы хотели бы подчеркнуть, что не ставим своей задачей поддержку одного из движений. Несмотря на то, что текущая политическая ситуация неизбежно подталкивает к тому, чтобы выбрать ту или иную сторону, мы предлагаем взглянуть на произошедшие события не с позиции Майдана или Антимайдана, а исходя из некоторой третьей, критической перспективы. Она позволяет задаться вопросом о том, чем был вызван раскол на два лагеря, были ли они непримиримы, и можно ли было избежать полномасштабного политического конфликта.

Мы хотим поблагодарить коллег и товарищей, которые помогали нам во время проведения исследования. Прежде всего, это Александра Алексеева, которая провела с нами большую часть поездки, собирала интервью в Киеве, Харькове и Севастополе и написала одну из глав настоящего отчета. Артем Тидва искал вместе с нами респондентов, переводил для нас с украинского и принимал участие в ряде интервью в Киеве. Анатолий Каплан

сопровождал нас в Одессе и помогал организовать интервью. Мы благодарны людям, которые селили нас у себя в квартирах, делились контактами с участниками Майдана и Антимайдана и оказывали другую поддержку, среди них: Татьяна Безрук, Полина Власенко, Наталья Нешвец, Валентина Петрова, Нина Потарская, Анастасия Правда, Юрий Стукан, Ирина Суворова, Дмитрий Хуткий, Татьяна Цвелодуб, Константин Чугалинский. Мы хотим сказать спасибо участникам Лаборатории публичной социологии, которые не были вовлечены в работу над этим проектом, но согласились прочитать и высказать ценные замечания к тексту отчета – Диляре Валеевой и Ксению Ермошиной. Особую благодарность мы выражаем тем активистам и сторонникам Майдана и Антимайдана, которые, несмотря на свои опасения, согласились встретиться и поговорить с нами.

Методология исследования

В основу этого отчета легли материалы первого этапа исследования, проведенного летом 2014 года в Украине и Крыму. В ходе этого этапа, длившегося с 5 по 20 июня (Керчь), а затем с 6 по 31 июля (остальные города) собрано 144 глубинных интервью длительностью от часа до трех с участниками протестных акций в поддержку Майдана и Антимайдана, которые проходили в Киеве, Харькове, Одессе, Севастополе и Керчи¹. В Киеве из-за немногочисленности активистов Антимайдана мы опрашивали только тех, кто участвовал в Майдане (41 человек), а в Крыму (Севастополь и Керчь) — только участников акций Антимайдана (15 интервью в Керчи и 17 — в Севастополе). В Харькове и Одессе в интервью приняли участие сторонники обоих лагерей (всего 34 интервью в Харькове и 36 интервью в Одессе). Александра Алексева взяла также 4 интервью во Львове, но этот регион не описан в отчете. Таблицу, суммирующую все собранные нами данные, можно найти в Приложении к отчету.

Поиск информантов осуществлялся несколькими способами. В основном мы рассылали приглашения принять участие в интервью подписчикам тематических пабликов сети «ВКонтакте», объединяющих сторонников Майдана и Антимайдана соответственно. Кроме того, нами были задействованы наши личные связи и метод «снежного кома». Сообщение с приглашением на интервью отправлялось пользователю социальной сети в том случае, если предварительный просмотр его/ее страницы позволял предположить, что он/она является участником или активным сторонником одного из двух движений. Такое

¹ Кроме этого, мы получили 4 письменных ответа от тех сторонников Антимайдана в Одессе, которые не захотели или не смогли встретиться лично.

предположение делалось на основе наличия на страницах ссылок на политические новости, видео, аудио и фотографий соответствующего содержания. Мы также старались отбирать в первую очередь «новичков» — тех, кто до этого не состоял в каких-либо политических организациях и движениях. Как отметил один из наших респондентов, рассказывая про свою страницу «ВКонтакте»: «У меня в последнее время всё очень много связано с политическими событиями, хотя раньше, конечно, мы были абсолютно мирные люди, как бы, и какие-то там в основном анекдоты постили» (Севастополь, женщина, 33 года, высшее образование, работник лаборатории молочного комбината). Именно такие люди интересовали нас в первую очередь. Тем не менее, в нашу выборку также попали сторонники или бывшие сторонники различных политических организаций, партий и объединений, таких как «Братство», «Свобода», «Батькивщина», «Боротьба», «Автономний Опір», «Правый сектор» и др. Возраст информантов варьировался от 17 до 70, но основную часть составили молодежь и люди среднего возраста. Разброс по критериям образования, профессии и дохода был достаточно велик: в стихийную выборку попали как те, кто получил только начальное образование, так и кандидаты наук, как рабочие, так и государственные служащие, предприниматели, люди творческих профессий и другие. Среди наших информантов были также те, кто сначала поддерживал одно из движений, а затем пересмотрел свою позицию и стал активным участником другого.

Нельзя не отметить, что на доступ в «поле» и на выборку повлияли как текущая политическая ситуация, так и тот факт, что мы приехали из России. В сообщениях с приглашением к участию в интервью содержалась информация о том, кто проводит исследование, какие цели оно преследует, гарантии анонимности и того, что оно не будет использовано в политических целях. Часть сообщений мы рассылали на русском языке (для сторонников Антимайдана), а часть — на украинском (для сторонников Майдана). В среднем доля ответивших согласием на предложение принять участие в исследовании составила 1-3 человека из 20 получивших сообщение, и варьировалась в зависимости от города (так, например, меньше всего ответивших было в Харькове). Как активисты Майдана, так и активисты Антимайдана часто реагировали на сообщение крайне настороженно: первые подозревали нас в предвзятости, потому что мы приехали из России, вторые — в том, что мы можем работать на Службу Безопасности Украины. Часть наших респондентов отказались общаться на русском языке, предпочтя ему украинский (в первую очередь, по политическим соображениям). В этих случаях для проведения беседы мы обращались за помощью к нашему украинскому коллеге Артему Тидве из Центра социальных и трудовых исследований (Киев). Расшифровки таких интервью переводились на русский носителями украинского языка.

Гайд для интервью состоял из нескольких блоков:

- биография информантов,
- их политические взгляды и опыт политической и гражданской активности до событий 2013-2014 годов,
- обстоятельства вовлечения их вовлечения в движения,
- их представления о целях, союзниках и врагах движений,
- их отношение к нынешней власти и действиям оппонентов,
- оценка ими событий, происходящих на востоке Украины и в Крыму,
- идентичность участников протестов — ее формирование под влиянием опыта протестных действий,
- представления активистов о том, какими должны быть отношения между Россией, Украиной, Европейским Союзом и США,
- изменение их повседневных, в том числе — языковых, практик и ощущения своей национальной принадлежности, отношения к государственным символам.

Этот вопросник во многом пересекался с тем, который мы использовали, когда опрашивали участников «Движения за Честные Выборы» в России в 2012-2013 годах². Поэтому настоящий отчет касается не только характера протестов в Украине, но и отчасти затрагивает тему сравнения протестных движений в обеих странах.

² О результатах этого исследования можно прочитать в книге «Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011-2013 годов». Коллективная монография; Алюков М.Л., Ерпылева С.В., Желнина А.А., Журавлев О.М., Завадская М.А., Клеман К., Магун А.В., Матвеев И.А., Невский А.В., Савельева Н.В., Туровец М.В.; редакторы Ерпылева С.В., Магун А.В. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 480 с.

Хронология событий

Перед тем как перейти к рассмотрению основных результатов нашего исследования, необходимо кратко остановиться на хронологии событий, происходивших в Киеве, Одессе, Харькове и Крыму, а также в других регионах Украины с первых дней Евромайдана до лета 2014 года. В рамках этого короткого вступления невозможно представить исчерпывающую хронологию, поэтому мы подробно остановимся лишь на тех событиях, о которых наиболее часто говорили наши информанты.

«Стартовым» событием Евромайдана был митинг на Майдане Незалежности 21 ноября 2013 года, ставший ответом на решение кабинета Виктора Януковича приостановить подготовку к подписанию соглашения об ассоциации с ЕС; в тот же вечер началась установка палаточного городка. На следующий день состоялся массовый митинг студентов во Львове, в последующие дни прошли митинги в других городах Украины, наиболее крупными из которых стали выступления в Харькове, Херсоне и Львове. Несмотря на это, ключевым событием Евромайдана и одной из главных причин своего включения в протестное движение подавляющее большинство наших информантов назвали разгон палаточного лагеря на Майдане Незалежности в ночь на 30 ноября.

Вероятно, попытка разогнать Евромайдан стала ключевым событием в обострении конфликта между властью и протестующими. Именно после событий 30 ноября в Киеве произошли первые серьёзные силовые столкновения, а численность митингов в других городах Украины резко выросла. Изменились и лозунги протестующих. Если до саммита и разгона Майдана лозунги носили скорее ироничный характер, то уже на митингах 1 декабря появились требования отставки Януковича, призывы к революции, стало больше антироссийских плакатов³.

Кроме того, в декабре в Донецке, Одессе, Харькове, Херсоне и Крыму прошли массовые митинги против Евромайдана, а в Киеве, на Европейской площади, состоялся митинг Партии Регионов, собравший около 50 тысяч человек. Участие в митингах не всегда

³ Евромайдан в лозунгах: "Прощай, немытая Россия", "Беркут — няшки" и "Не будьте таким як Ющенко козлом". Фоторепортаж // Цензорнет, 28 ноября 2013. URL:

http://censor.net.ua/photo_news/261297/evromayidan_v_lozungah_proschayi_nemytaya_rossiya_berkut_nyashki_i_ne_budte_takim_yak_yuschenko_kozlom (дата обращения: 4 января 2015) и Лозунги «Евромайдана»: «Януковича — на елку», «Нас не сломать» // Сегодня.юа, 1 декабря 2013. URL: <http://www.segodnya.ua/ukraine/lozungi-evromaydana-yanukovicha-na-elku-nas-ne-sloamat-478924.html> (дата обращения: 4 января 2015)

было спонтанным: например, Независимый профсоюз горняков Донбасса, поддержавший требования Евромайдана, обвинил местные власти в том, что шахтеров с предприятий различных форм собственности принудительно свозят на митинг к Донецкой обладминистрации⁴.

1 декабря в Киеве стартовал массовый митинг протеста, собравший по разным оценкам от 40 тысяч до 1,6 млн. человек⁵. В тот же день группы протестующих начали штурмовать правительственные здания на Банковской улице и Крещатике; была захвачена Киевская городская администрация, начался штурм администрации президента. Представители парламентской оппозиции, в том числе будущий президент Петр Порошенко, публично отмежевались от силовых акций, заявив, что их организовали наемные провокаторы⁶.

Силовой разгон митингов и последующее противостояние с «Беркутом» привели к созданию Самообороны Майдана, целями которой были «активное противодействие попыткам режима установить в Украине полноценную диктатуру, защита гражданских прав украинцев, а именно прав на честные выборы и мирный протест; противодействие имперским воздействиям Кремля»⁷. Группы Самообороны существовали как на самом Майдане Незалежности, так и в других районах Киева. Как рассказывал один из наших информантов,

«У каждого района была Самооборона — а помимо этого была городская Самооборона, которая состояла из самооборон района, и мы, в случае чего, в случае какого-то ЧП, собирались и решали проблемы. А какие проблемы — были мародеры, были те, кто прикрывался Самообороной: мы типа Самооборона, а сами, там, и людей били, и отбирали...» (Киев, мужчина, 25 лет, высшее образование, предприниматель).

Структуру и организационные особенности Самообороны можно охарактеризовать как гибридные. Она носила стихийный, низовой характер, что не исключало участие в ней и

⁴ Незалежна профспілка гірників Донбасу підтримала Євромайдан // Киев.юа, 4 декабря 2013. URL: <http://www.day.kiev.ua/uk/news/041213-nezalezna-profspilka-girnikiv-donbasu-pidtrimala-ievromaydan> (дата обращения: 4 января 2015)

⁵ Милиция насчитала 1,6 млн евромайдановцев // Обозреватель.ua, 01 декабря 2013. URL: <http://obozrevatel.com/politics/41092-militsiya-naschitala-16-mln-evromajdanovtsev-istochnik.htm> (дата обращения 14.04.2015)

⁶ Майдан. Последние новости с фронта // Вести, 3 декабря 2013. URL: <http://vesti-ukr.com/kyiv/27281-mihajlovskaja-i-majdan-poslednie-novosti-s-fronta> (дата обращения: 4 января 2015)

⁷ Самооборона Майдану оформилася в однойменну організацію // Українська правда, 11 февраля 2014. URL: <http://www.pravda.com.ua/news/2014/02/11/7013508/> (дата обращения: 4 января 2015)

воздействие на неё различных профессиональных организаций и политических деятелей. Так, например, руководителем Самообороны Майдана был Андрей Парубий, «комендант Майдана», политик ультраправого толка. Помимо Самообороны в городе возник ряд инициатив, нацеленных на помощь раненым, спасение активистов от милицейского преследования, доставку продовольствия и горячего для протестного лагеря. Об этом также рассказывали наши информанты:

«Была информация о том, что руководство многих больниц — государственных, районных — сотрудничает с представителями правительства, в первую очередь, с силовыми структурами, то есть многих раненых сдавали тут же в СИЗО. (...) Была инициатива врачей, которые открыли подпольные госпитали, там собирались... (...) Находили машины, находили, открывали специальные счета, куда поступали деньги, закупали лекарства и на этих подпольных госпиталях оказывали первую медицинскую помощь» (Киев, мужчина, около 35 лет, высшее образование, журналист).

Следующим ключевым событием стало принятие «законов 16 января», которые ужесточали уголовную и административную ответственность за участие в массовых беспорядках, ношение масок и касок, блокирование административных зданий и пр. В условиях постоянных митингов и столкновений эти законы были расценены, во-первых, как провокация со стороны Верховной Рады и Януковича и, во-вторых, как попытка установления диктатуры «по российскому или белорусскому сценарию». Одна из активисток Майдана вспоминала:

«А потом, до сих пор помню, что на вече 19 [января] стоял какой-то русский парень, по-моему, русский, который, ну, типа, или белорус он был, но явно не украинец, он стоял, он просто так вот держал планшет, он слышал, что политики говорят, что стойте, вот так, он просто молча показывал нам то, что происходило в Беларуси. Вот. Как их винтили там за эти, за аплодисменты, за все. И он просто стоял чуть ли не со слезами на глазах, будто он, типа, нам это показывал, что вот, у вас, если вы сейчас промолчите, у вас будет точно то же» (Киев, женщина, около 22 лет, студентка, фрилансер).

Принятие этих законов привело к обострению противостояния, территориальному расширению Майдана в Киеве, захвату зданий областных администраций в западной и центральной частях страны. Столкновения протестующих и силовиков, продолжавшиеся в течение всего января, вылились в настоящие боевые действия. 18 и 19 февраля 2014 г. во

время боев на Институтской улице и штурм Майдана с обеих сторон погибли около 100 человек. Жизни людей унесли пожар в Доме Профсоюзов и стрельба неизвестных снайперов. К 22 февраля большая часть правительственных зданий в центре Киева перешла к протестующим, в других регионах начались захваты и блокирование зданий ОГА, отделений милиции и баз «Беркута». Было заявлено, что президент Янукович находится в Харькове, однако он не явился на проходящий в городе Съезд депутатов Юго-востока. В итоге Верховная Рада приняла постановление о самоустранении президента Украины и назначении новых президентских выборов.

В Харькове и Одессе ситуация начала обостряться тогда, когда активное противостояние в центре Киева завершилось. С декабря 2013 года в Харькове постоянно проходили митинги как сторонников Майдана, так и сторонников Антимайдана. Активные действия в этот период сводились к небольшим стычкам между двумя лагерями. Как рассказывал участник харьковского Майдана,

«Это обычно стоит основной митинг, 2-3 тысячи человек, доходило, не помню, основной пик было 8 тысяч митинг Евромайдана, то тоже всегда где-то в округе проходит митинг Антимайдана. И как, там отделятся 2-3 десятка бравых парней, ну тоже понятное дело — маски, балаклавы, бейсбольные биты, арматура, что-то такое. Ну и где-то по округе вылавливают там 3-4 человека Евромайдана. Ну, понятное дело, что там дальше происходило, чем это заканчивалось» (Харьков, Майдан, мужчина, около 23-25 лет, студент, фрилансер).

После 22 февраля здание харьковской областной городской администрации было захвачено местными и киевскими активистами Евромайдана, которые продержались внутри несколько дней. Однако 1 марта во время массового митинга сторонники Антимайдана вывели из здания и жестоко избили активистов Майдана, находящихся в здании Областной государственной администрации (ОГА). Усилению антимайдановских настроений в Харькове способствовали слухи о готовящихся карательных рейдах украинских националистов на Восток и в Крым, а также один из первых законов переходного правительства о лишении русского языка регионального статуса. В течение марта и апреля в городе продолжались столкновения между сторонниками Майдана и Антимайдана. В частности, 15 марта произошло нападение на митинг Антимайдана на Рымарской улице, в ходе которого двое человек были застрелены, а 7 апреля активисты Антимайдана захватили здание ОГА и провозгласили создание Харьковской Народной Республики. Однако уже на следующий день здание обл администрации снова перешло под контроль милиции. Еще одним центром конфликта стал памятник Ленину, вокруг защиты которого объединились

многие активисты Антимайдана. Все это время администрация города и области не занимала той или иной позиции, пытаясь понять, кто победит и кто придет к власти в масштабах всей Украины.

В Одессе также образовалось два противоположных лагеря. Палаточный городок Антимайдана был разбит на Куликовом Поле. Ежедневный митинг сторонников Майдана проходил с ноября 2013 года у памятника герцогу де Ришелье («памятник Дюку»). В целом, до событий февраля местные власти были достаточно решительно настроены против Евромайдана: палаточный городок протестующих был практически сразу же демонтирован, а сами активисты несколько раз подвергались нападениям. В феврале и марте в городе неоднократно проходили массовые митинги и шествия обоих лагерей. Так, один из наших информантов вспоминал:

«...когда началась эта вся заваруха, февральские события, так называемый «побег Януковича», то в Одессе начало образовываться контр, такое движение, Антимайдан. Оппоненты в принципе друг с другом не особо встречались, не было никаких таких пересечений массовых, таких состыковок до второго мая» (Одесса, Антимайдан, мужчина, 30 лет, среднее специальное образование, студент, фрилансер).

На этом фоне активизировались локальные группы по борьбе с наркоточками, нелегальными пунктами торговли алкоголем («наливайками»), педофилией. Такие группы существовали как в стане «Одесской дружины» (самообороны Антимайдана), так и среди местных сторонников «Правого сектора» (который был частью Майдана).

Противостояние Майдана и Антимайдана завершилось трагическими событиями 2 мая, когда большая группа сторонников Антимайдана столкнулась с шествием сторонников Майдана и футбольных фанатов, что привело к гибели людей с обеих сторон. Это столкновение повлекло за собой нападение активистов Евромайдана на здание Дома профсоюзов на Куликовом поле, в результате которого здание загорелось, и в огне погибли еще 40 человек.

Наши интервью вряд ли помогут составить объективную картину произошедшего в тот день. Очевидно, что и та, и другая сторона применяла травматическое и огнестрельное оружие, коктейли Молотова, а часть сторонников Майдана пытались спасти людей из горящего Дома профсоюзов с помощью строительных лесов. Тем не менее, обе стороны были склонны демонизировать оппонентов и видеть в их действиях заранее спланированную провокацию. Так, следующие слова принадлежат одной из наших информанток, активистке одесского Майдана:

«Что было самое интересное, это то, что... милиция давала им [сторонникам Антимайдана — прим. авторов] указания, с какой стороны заходить, как лучше стрелять, как лучше наших людей убивать. И они ничего не делали, чтобы нас защитить» (Одесса, Майдан, женщина, 20 лет, студентка, фрилансер).

Однако похожие объяснения предлагали и участники Антимайдана:

«Насчет Дома профсоюзов — вопрос неоднозначный, потому что с одной стороны — да, там уже было все подготовлено, когда люди туда забежали уже там были или правосеки или какие-то другие отморозки, уже они там были. Уже было все спланировано» (Одесса, Антимайдан, мужчина, 23 года, высшее образование, фрилансер).

После 2 мая противостояние в Одессе утихло. Численность митингов Евромайдана стала неуклонно снижаться, а Куликово Поле превратилось в место траурных собраний в память о жертвах пожара. Поскольку обобщения и выводы, представленные в данном отчете, относятся к ситуации лета 2014 года, мы завершаем изложение хронологии на этом моменте и переходим к изложению результатов исследования.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ. МАЙДАН

Требования и лозунги Майдана

Зимой 2014 года случилось два Майдана. Приостановка, а затем отказ бывшего президента Виктора Януковича от подписания Соглашения об ассоциации с ЕС спровоцировал Евромайдан — протест «продвинутой» молодежи и сторонников «западного пути». В свою очередь, разгон ночью 30 ноября «Беркутом» палаточного лагеря протестующих и избиение студентов возмутило тысячи украинцев — так началось одно из самых масштабных протестных движений на постсоветском пространстве за последние годы.

Участников «Евромайдана» вывело на улицу, прежде всего, чувство гнева. Они негодовали по поводу действий власти, которая, отказавшись от подписания Соглашения об ассоциации, открыто пренебрегла мнением граждан, выбравших «европейский путь»:

«Если бы Янукович не говорил — «я подпишу», (...) надежды не давал. Получается — как забрали надежду, забрали последнее» (Киев, женщина, около 30 лет, высшее образование, работник ЖКХ);

«Это было воспринято как определённый плевок [со стороны Януковича — прим. авторов], то есть, на самом деле, мне плевать на ваше мнение — я как хочу, так и поступлю» (Киев, мужчина, около 35 лет, высшее образование, журналист).

Для тех, кто вышел на площадь после 30 ноября, подписание Соглашения было лишь одним из второстепенных требований. Вторую волну мобилизации спровоцировал разгон студентов — событие, которое заставило присоединиться к протесту и протагонистов

«европейского выбора», и тех, кто был скептически настроен в отношении Евроинтеграции, а то и выступал против нее:

«Мне в принципе, ну изначально как бы на всю идею Майдана было наплевать. Почему? Потому что я не большой сторонник евроинтеграции, но меня взбесил тот момент, когда люди пришли проявить свою свободу волеизъявления, а их нагло избили (...) Моя позиция была такая: я здесь не для Европы, не для России, я здесь для того, чтобы люди могли жить по-человечески: не быть слугами, лакеями, не быть рабами» (Харьков, Майдан, 27 лет, высшее образование, предприниматель).

Разгон лагеря был истолкован будущими участниками протестов как экстраординарное событие, которое продемонстрировало «истинное лицо» власти и стало квинтэссенцией всех ее предыдущих преступлений. Это событие, по словам многих информантов, шло вразрез с их повседневностью и представлениями — *такого* не могло произойти в *их* стране:

«Просто у людей было восприятие — как это можно в центре города было побить людей до крови и еще их преследовать. Просто диссонанс с тем обществом, где, мы думаем, живем (...) хочется же лучшего. (...) Когда студентов побили, это был второй этап. То, что называли «революцией юности». Люди боролись уже за нормальную жизнь. (...) это [разгон студентов — прим. авторов] в субботу было. В пятницу кто-то гулял, еще что-то. В субботу проснулся, смотришь новости — и реально кадры как из другого мира. Сидишь и плачешь: ну как, как это возможно?» (Киев, женщина, около 30 лет, высшее образование, работник ЖКХ).

Необходимо принять во внимание, что к началу зимы 2013 года у украинцев накопилось множество претензий к власти. Многие говорили в интервью, что никогда не любили власть, ни «оранжевую», ни «голубую», но режим Януковича перешел все границы, расплодив коррупцию, позволив «клану президента» отнимать бизнес у рядовых украинцев, развязав руки чиновникам и бюрократам, понизив социальные гарантии и т. д. Поэтому разгон студентов только подкрепил этот образ преступной, криминальной власти. Он стал событием, переполнившим чашу терпения:

«Ну, я думаю, что главная идея Майдана это была... Это даже... ну, это не Европа. То есть, люди стояли не за... не за Европу, не за то, чтобы, там, быть членом Европейского Союза, потому что... ну, за это люди не будут умирать. Люди стояли

вообще за свою свободу, за свои права, потому что, когда увидели... ну, как бы, истинное лицо... власти, когда поняли, на что она способна... Люди просто осознали, что они не могут жить в таком обществе, э... ну, с такой властью. И люди просто боролись вообще за свою свободу, и все понимали, что или, как бы, или эта власть нас победит, или мы победим эту власть» (Киев, женщина, 22 года, студентка, фрилансер).

Таким образом, разгон студенческого лагеря изменил политическую повестку Майдана-2013: именно он, а не отказ Януковича подписать соглашение, стал главным триггером протеста и вывел на улицу людей, неудовлетворенных положением в стране в целом. Тогда же требование подписать Соглашение отошло на второй план:

«Ну, в моем восприятии основная цель людей на Майдане — это все же отставка Януковича, потому как его политика и отношение к гражданам страны были просто недопустимыми, и возмущение людей дошло до предела. Сказать «за что» [выступал Майдан], что это за евроинтеграцию — нет, я не могу так сказать. Лично мое мнение, и оно подкреплено, скажем так, личными контактами, как бы я лично видела, слышала своими глазами, ушами — люди говорили: “нам вообще пофиг на евроинтеграцию”, не все даже понимали, что значит “евроинтеграция”. Люди вышли, Майдан вышел не за евроинтеграцию, за это вышли те студенты, которые пострадали в самую первую ночь Майдана. Остальные люди вышли только потому, что нельзя бить детей, гасить их дубинками, просто потому что они вышли выразить свое мнение. Поэтому люди вышли против этого — против звериного отношения к своему же народу» (Одесса, Майдан, женщина, 26 лет, высшее образование, советник ректора института).

Из протеста «за» (подписание Ассоциации) Майдан превратился в протест «против» — против существующей власти, Януковича и тех проблем, с которыми сталкивались в последние годы жители Украины.

Таким образом, несмотря на то, что участников протестного движения часто объединяют под общим названием «Евромайдан», далеко не все из них поддерживали идею евроинтеграции. Особенно далеки от этой идеи были те, кто присоединился к протесту после разгона палаточного лагеря, случившегося 30 ноября. Некоторые были против интеграции с Евросоюзом, так как полагали, что она приведет к усугублению экономического кризиса в стране; другие считали, что Украина должна быть независимой и от России, и от Европы. Как высказался один из наших информантов:

«...я хочу жить просто в Украине, которая не имеет власти ни с Россией, чтобы нами не правил ни Евросоюз, ни Россия. Если честно, мне не так хочется в Евросоюз, как

хочется жить просто в свободной стране, где свобода слова такая же, как в Европе» (Киев, мужчина, 29 лет, высшее юридическое образование, безработный).

Если же ставить вопрос ребром: в сторону Европы или России смотрели большинство наших информантов, то ответом будет, безусловно, Европа. Однако наше исследование показало одну важную вещь: если образ единой и сильной Украины был конкретным и спланированным, то образ Европы был более абстрактным и символическим. Он служил скорее ориентиром, чем идеалом. Если украинский патриотизм был абсолютным приоритетом для протестующих, то Европа мыслилась в рамках условной системы координат, в которой она, богатая, успешная и демократичная, была противопоставлена России — символу отсталости, диктатуры и нищеты. Украина находилась между этими двумя полюсами и должна была выбрать, куда ей двигаться — вперед, в будущее, к Европе, или назад, в прошлое, к России.

Эмоции в движении Майдана

Эмоции являются мощным катализатором протестных движений. Они часто сопровождают мобилизацию, обеспечивая переход от пассивного недовольства к действиям. Кроме того, эмоции работают как топливо движения, которое способно превратить краткосрочную мобилизацию в долгосрочную кампанию.

Эмоцией, о которой чаще всего говорили вышедшие на Майдан люди (как и те, кто два года назад принял участие в «Болотных» протестах в России), было чувство единства. Для участников Майдана единство означало солидарность, взаимопомощь и ощущение себя частью одного целого: «Майдан — это такое единение душ...», как сказала одна из наших информанток (Киев, женщина, 17 лет, школьница).

Результатом этого объединения на Майдане (в отличие от Болотной, где ощущение собственной способности что-то изменить постепенно сменялось апатией и разочарованием в коллективных действиях) стало чувство того, что люди могут менять ситуацию в стране. Это чувство современные исследователи общественных движений называют *empowerment*, термин, который на русский можно перевести как «уполномочение». Это ощущение было подкреплено не только опытом «стояния» на площади, но и уходом Януковича с поста президента. Участники протеста верили, что, объединившись, люди действительно могут что-то изменить:

«Майдану мы благодарны за то, что он объединил нас и как-то дал понять, что мы можем сами что-то делать. То есть, ну, не на органы, не на власть [надеяться], а

человек понимает, что если он объединится еще с каким-то количеством людей, то они могут что-то поменять» (Киев, женщина, 17 лет, школьница);

«Ты маленький человек, но ты стал из этого маленького человека чуть-чуть побольше человеком, когда объединился с Майданом» (Киев, мужчина, 25 лет, высшее образование, предприниматель).

Майдан воспринимался активистами как особый мир, который отличается как от повседневной, частной жизни, так и от жизни государственной, «политической». На Майдане действовали свои правила, регулирующие поведение его участников — например, запрет на употребление алкоголя (само существование этого запрета, несмотря на его нарушения, было предметом гордости протестующих) или требование поддержания чистоты. Майдан был публичным пространством, созданным усилиями тех, кто вышел на площадь, внутри которого каждый мог чувствовать себя как дома.

Большинство активистов Майдана отмечали готовность незнакомых людей действовать сообща и помогать друг другу ради достижения общей цели. Майдан воспринимался как общий проект, каждый из участников которого вносил в его осуществление свой посильный вклад:

«...я, конечно, верил в идею, особенно когда я видел этих бабушек, которые тягают эти камни, которые думают, что два камушка передал кому-то, и этим они помогают. Они это делают с искренностью. Как говорится, с чего строится дом? С одного кирпича. Начинаешь один кирпичик, потом второй кирпичик, каждый положил один кирпичик, по два, по три. И вот так построился такой вот большой Майдан. Потому что каждый внес свой маленький кирпичик» (Киев, мужчина, 25 лет, высшее образование, предприниматель).

По убеждению активистов Майдана, эта солидарность, готовность помочь, объединяла не только тех, кто был на площади, но в пределе — все общество, независимо от достатка, образования и социального положения. Майдан воспринимался как опыт, сплотивший всю страну:

«Мне нравилось, что, ну, подъезжала там... блин, видели такой персонаж на «Бентли». Девчонка, силиконовые губы, на кэблах, блондинка, конкретная силиконовая тела приезжает: «Ребятки, я вам тут привезла». Открывает багажник жвачки с супермаркета. Ну, то есть, нравилось то, что даже те люди, кто не стоял на Майдане, киевляне, тем, кому было где жить, они везли туда все, кто что мог. Что они настолько

сплоченные и сплотились как-то, я не знаю, эта сплоченность очень сильно повлияла на всю Украину, то, что сплотился народ» (Киев, женщина, 26 лет, незаконченное высшее образование, секретарь).

Активисты Майдана следовали важному для них идеалу: идеалу равенства. В глазах протестующих Майдан уравнивал всех, кто приходил его поддержать: бедных и богатых, молодых и старых, и т. д. Поэтому активисты Майдана часто сравнивали его с Запорожской сечью или народным Вече. Квинтэссенцией этого внутреннего равенства было отрицание любых внешних по отношению к движению авторитетов:

«Там, президент приходит, там, Виталий Кличко приходит и говорит: «Я для вас Виталий». Понимаете?» (Киев, мужчина, 29 лет, высшее юридическое образование, безработный).

Активисты также подчеркивали, что, приходя на Майдан, они переставали быть чужими друг другу: сам факт нахождения на площади и поддержки протеста превращал незнакомцев в «своих» — союзников и товарищей, которым можно доверять. О безграничном доверии между протестующими упоминали почти все наши информанты:

«Ну, приятно было то, что сфера доверия на Майдане, скажем так, не знает никаких границ. Придя на кухню, взяв пять ящиков мяса, пять ящиков супа, никто не спрашивает: «Как тебя зовут? Куда ты их несешь?». Там все точно знают: если ты на Майдане — ты делаешь что-то полезное...» (Харьков, Майдан, женщина, 26 лет, высшее образование, советник ректора института);

«В Киеве [на Майдане] мне нравилось то, что... там не было деления «я тебя знаю, я тебя не знаю». Там было... Там были все свои. Я стояла, когда в первый раз приехала, туда приехала с подружками, мы никого не знали. К нам подошли, мы все познакомились, там были люди со всех городов Украины. Там были люди с России, там были люди с заграницы, там были все, все подходили, знакомились, мы стояли сначала в сторонке, потому что мы не знали, ну, неудобно как-то, все там стоят, разговаривают. К нам подошли, нас позвали, нас накормили, нас напоили, мы со всем познакомились. Второй раз я приехала, я уже всех знала, и все рады очень были, типа, ну какое вот это чувство было... дружелюбия от людей» (Одесса, Майдан, женщина, 20 лет, студентка, фрилансер).

В глазах участников движения взаимное доверие, царившее на Майдане, было связано с заботой друг о друге и с безопасностью. Ощущение того, что на любого человека на площади можно положиться как на союзника, превращало Майдан в «самое безопасное место в городе»: «На самом деле, вот... безумно страшно сидеть и смотреть по телевизору [на то, что происходит на Майдане]. То есть, когда ты не понимаешь этого, не осознаешь, в тебе вот начинается паника. Как только ты оказываешься на Майдане, тебе сразу не страшно, тебе спокойно, потому что вокруг тебя люди, вокруг, там, каждый узнает. Ни шагу не было, чтобы я не ступила на Майдане, кто-нибудь там: «Боже, солнышко, золотце», там, пожилые, молодые, бабушки» (Киев, женщина, 17 лет, школьница);

«...ты даже себе не представляешь, насколько мы объединились и насколько мы друг друга поддерживали. Ты мог на абсолютно левого человека, которого видишь в первый раз в жизни, ты мог полностью на него положиться. (...) Единственное безопасное место в городе — это было на Майдане» (Киев, женщина, 22 года, студентка, фрилансер).

Чтобы подчеркнуть подлинность этого анонимного единства, люди часто использовали метафору семьи:

«И люди были реально как одна большая семья — доверяли друг другу и друг другу помогали. Вообще, невероятная общность духа, которую можно ощутить, только поехав туда, а так это даже трудно представить... Так, как будто бы я дома. Ну, на Майдане все было так, как будто я дома, потому что кто-то обо мне беспокоится — наверное, самое невероятное, что меня поразило и нравилось мне очень» (Харьков, Майдан, женщина, 26 лет, высшее образование, советник ректора института);

«Мне все близки. Я если приду на Майдан, то это моя семья. Я туда прихожу как домой» (Киев, мужчина, 29 лет, высшее юридическое образование, безработный).

Таким образом, Майдан в глазах протестующих уравнивал тех, кто был неравен вне его, а готовность вносить вклад в достижение целей Майдана превращало незнакомых людей в союзников. В то же время цели Майдана воспринимались его участниками как всеобщие, а отказ поддерживать Майдан — как проявление эгоизма и нежелание заботиться о будущем страны. Как сказал один из протестующих,

«[На Майдан не вышли] люди, которым пох... люди, которым все равно, что будет дальше с Украиной. А есть люди, которым не все равно» (Киев, мужчина, 29 лет, высшее юридическое образование, безработный).

«Украинцы», «русские» и «европейцы» в коллективной идентичности Майдана

Такие понятия как «русский», «украинец», «европеец» были для активистов Майдана элементами более общей коллективной идентичности. Однако эта идентичность очень быстро перестала быть только лишь ощущением принадлежности к протестному движению, и Майдан стал своего рода кузницей патриотизма и национализма. О рождении этой национальной идентичности и национализме Майдана речь пойдет ниже, здесь же мы рассмотрим ее содержание и отношения с другими идентичностями.

Любая коллективная идентичность всегда строится на различии и сходстве с «другими». Национальная идентичность, появившаяся на Майдане — не исключение: Украина в представлении участников Майдана находится между Россией и Европой, а «украинцы» в ней противопоставляются как «русским», так и «европейцам», тяготея при этом к последним. Россия ассоциируется с деградацией и регрессом, а Европа, напротив, с движением вперед и прогрессом. Ассоциации и метафоры, которые противопоставляют Европу России — это свобода/подчинение и цивилизованность/нецивилизованность. Они характерны как для сравнения России и Украины, где русские представляются менее цивилизованными свободными, чем украинцы, так и в отношении Европы, по сравнению с которой уже украинцы оказываются носителями «русских» черт. Иногда активисты Майдана проводили различие между украинской и советской и/или российской историей, и, соответственно, между «советским» и «украинским» менталитетом.

Итак, первая черта, которая, по мнению наших информантов, отличает украинцев от русских — это свобода:

«Все-таки украинское общество потихоньку идет к той психологической модели, которая у нас была сотни лет. Это — свобода, свобода волеизъявления, свобода передвижения, свобода твоих личных позиций жизненных» (Одесса, Майдан, мужчина, 27 лет, высшее образование, кузнец).

В противоположность им русские — это люди, которые подчиняются:

«У вас [в России] явно чувствуется униженность. Явно у вас свободы нет. (...) Не скажу, что неискоренимо это, но у вас вот какая-то боязнь перед сильными мира сего, вот у вас милиционер может подойти и грубо разговаривать» (Одесса, Майдан, женщина, около 30 лет, бухгалтер).

В первую очередь, наши информанты говорили о подчинении авторитетам, лидерам, властям:

«У меня до сих пор нет авторитета. (...) У нас... чем отличаемся от вас — у нас нет авторитетов. Если вы за Путина или там за кого-то еще, я не знаю... не важно, потому, что не будет Путина — у вас кто-то другой появится, это однозначно — вы такие. Вы любите царей. Мы скорее сами доверяем себе» (Одесса, Майдан, женщина, около 30 лет, бухгалтер).

Более того, эта привычка «русских» подчиняться мыслилась не только как насильственная, но и как добровольная, заложенная в их «природе»:

«Ну вот, я вижу такую разницу, что у россиян меньше свободы, и они считают, что так и надо, и они не завидуют тем, у кого она есть или есть шанс ее получить» (Одесса, Майдан, женщина, 31 год, высшее образование, менеджер).

Свобода в сознании активистов Майдана связана с активностью и готовностью к протесту и коллективному действию. Как отметила одна из наших информанток, «украинцы — они как-то более активны в выражении своих позиций» (Киев, женщина, 17 лет, школьница). Средоточием «активных людей» как раз и был Майдан:

«Ходили люди социально активные, ходили люди-патриоты, которые хотели лучшего для своей страны, и ходили также люди те, что хотели персонально для себя лучшего» (Киев, женщина, 27 лет, высшее образование (заочное), работает журналистом).

Соответственно, русские по сравнению с украинцами — это политически пассивные потребители, «которые, там, смотрят телевизор» (Киев, женщина, 17 лет, школьница). Даже если в России случаются протестные акции, большинство жителей страны, по мнению участников Майдана, не поддерживают их из-за своей пассивности и отсутствия стремления к свободе: «То есть, как бы, разогнали Болотную — «Ну и правильно, так им и надо», — я такое слышала от россиян» (Одесса, Майдан, женщина, 31 год, высшее образование, менеджер). Украинцы же, в представлении наших информантов, — это, напротив, люди, которые не боятся протестовать, более того, протест для них — это обычная, рутинная деятельность:

«Для нас, украинцев, революция началась — это где-то звучит так: ну, типа, слушай, ну там, типа... с чем бы тебе сравнить? Слушай, ну там, типа, где-то снег выпал очень рано, надо, типа, пойти убрать (...) Ну или, типа, пшеница выросла, надо бы пойти

скосить. Для нас это, в принципе, нормально. То есть это не у нас... я помню свою реакцию и реакцию других, никто не удивился. А, революция началась? Супер, пошли» (Киев, женщина, около 22 лет, студентка, фрилансер).

Еще одна оппозиция, которую использовали активисты Майдана для того, чтобы отличить украинцев от русских — это «цивилизованность/нецивилизованность». Понятие цивилизованности подразумевало обладание самыми разными качествами: аккуратностью, вежливостью, толерантностью, образованностью, широким кругозором, способностью критически мыслить и сопротивляться манипуляциям. Во-первых, жители Украины воспринимались нашими информантами как аккуратные, живущие достойной жизнью даже в бедности, а России — как небрежные и грубые:

«Знаешь, не в обиду русским, но я помню примеры, исторические там всякие, поселки, едешь по Украине — бедно, но хатка побелена, все там ладненько. Приезжаешь в Россию — там беспредел полный» (Киев, женщина, около 30 лет, высшее образование, работник ЖКХ).

Во-вторых, цивилизованность выражалась в способности воспринять позицию другого и отнестись к ней с уважением:

«Это абсолютно не проблема, ты щас пройдешься по Майдану с русским флагом — даже с этим, с полосатым, — тебя никто пальцем не тронет, понимаешь, тебе никто ниче не скажет. Возьми, пройди с украинским флагом сейчас по Донецку, либо по той же Москве прогуляйся! (...) Этого нету абсолютно. (...) Сразу тебе говорю, одно из самых диких, самых важных моментов, которых можно добавить к этой характеристике, это что люди действительно вежливые. Это люди... уважающие друг друга. Уважающие позицию друг друга» (Киев, женщина, около 22 лет, студентка, фрилансер).

Русские же, напротив, по мнению протестующих на Майдане, по определению не способны к восприятию чужой позиции и рациональных аргументов:

«Тем более нация у них, у вас, не хочу обидеть, как-то ну деградирует, я не знаю. Это может так показаться в интернете по общению. Но люди реально очень многие идиотические. Ты ему говоришь предложение, они даже не воспринимают. Обычное предложение, не сложное» (Киев, мужчина, 24 года, высшее образование, работник транспортного предприятия).

Во многом эта неспособность связывалась с узостью кругозора и отсутствием знаний о том, что происходит за пределами страны:

«У них [русских — прим. авторов] там Америка — пиндосы, Европа — это пидоры... ну, геи, все. И притом, что самое интересное, вот там крылатая фраза, да, что вот россияне, они ненавидят то, чего никогда не видели. Они не видели Европу, они там не жили. Ну, многие из них, согласитесь, да?» (Киев, мужчина, 35 лет, среднее образование, водитель);

«Нетерпимость [русских] — (...) она, как по мне, вызвана страхом неизвестного» (Харьков, Майдан, мужчина, 24 года, высшее образование, младший архитектор на государственном предприятии).

Неумение самостоятельно мыслить, страх перед сильными мира сего, политическая пассивность, некультурность и неспособность к восприятию точки зрения другого — вот те черты, которыми участники Майдана зачастую наделяли русских, противопоставляя их украинцам. Эти различия, по мнению опрошенных, связаны в первую очередь с особенностями «ментальности» обоих народов. «Национальный характер» русских сформировался в царскую и советскую эпохи, которые наложила на них свой отпечаток:

«Тут вот как бы Советский союз развалился и надо работать, а наши люди не привыкли работать, особенно вот как бы русские» (Одесса, Майдан, женщина, 31 год, высшее образование, менеджер).

Кроме специфического отношения к труду, активисты Майдана также вменяли русским общую установку на консерватизм и воспроизводство советских ценностей:

«Россия, русская общая масса людей, они обычно еще придерживаются еще каких-то таких советских ценностей и стандартов, которые уже, конечно, сильно отстают от мира. Хотя, конечно, там много людей современных и прогрессивных» (Киев, женщина, 27 лет, высшее образование, журналист).

Советские ценности и стандарты здесь противопоставляются прогрессу и современности. Поэтому взгляд русских, по мнению протестующих на Майдане, обращен в прошлое, а взгляд украинцев — в настоящее и будущее: «Те живут прошлым. Мы живем настоящим» (Киев, мужчина, 25 лет, высшее образование, предприниматель).

«Свобода» украинцев и «несвобода» русских также связаны, по мнению наших информантов, с различиями в истории двух регионов. Дореволюционному российскому

самодержавию участники Майдана противопоставляли Запорожскую сечь как модель свободного общества:

«Это как бы еще заложенный менталитет, да, то есть, если в России это всегда был царь-батюшка-бог и такое отношение, то в Украине это всегда была Запорожская Сечь, где атамана выбирали, где его имели право свергнуть. Ну, то есть, как бы это более независимо» (Киев, женщина, около 22 лет, студентка, фрилансер).

Истоки несвободы «русских» информанты видели в советском прошлом, а именно — в страхе перед тоталитарным режимом:

«...у вас [русских] страх, наверное, больше... Даже не знаю. Вот притока чего-то свежего у вас нет. Вы позволяете страху проникнуть... Это, наверное, связано с тридцать седьмым годом, с застоём в семидесятых годах. Вот. Это все еще вами не изжито, как мне кажется» (Одесса, Майдан, женщина, бухгалтер).

Другой полюс, по отношению к которому Майдан определял свою национальную идентичность — это политическая, социальная и экономическая система Европейского союза, а также привычки и ценности жителей Европы. Украина виделась активистам Майдана как точка на континууме между Россией и Европой, которая не совпадает ни с одним из полюсов, но при этом находится ближе к Европе. Европа в данном случае представляет собой норму существования общества, к которой необходимо стремиться, и к которой Украину приблизил Майдан.

Это не означает, что все активисты Майдана являлись сторонниками Ассоциации с Евросоюзом. Мы уже отметили выше, что отношение к подписанию Соглашения было самым разным. Тем не менее, активисты Майдана часто представляли Европу как метафору справедливого социального и политического устройства, образа жизни, основанного на демократических и либеральных ценностях:

«Это были две ментальности... одна ментальность — это такая советская, можно сказать, а другая ментальность — проевропейская... когда говорят проевропейская ментальность, обычно понимают то, что люди хотят в Евросоюз, хотя на самом деле проевропейская ментальность — там имеется ввиду и толерантность, это и.. какие-то вещи, связанные с уважением к правам человека, правам разного рода меньшинств, зоозащите, т.е для меня эти вещи называются проевропейскими» (Харьков, Майдан, мужчина, 24 года, высшее образование,, младший архитектор на государственном предприятии).

Нарративы активистов о Европе можно условно разделить на два типа: первый представляет собой описание жителей ЕС, второй посвящен институциональному устройству европейских государств — политическому режиму, социальной и экономической сфере. Европейцам обычно приписывались аккуратность, стремление к знанию и высокий уровень образования, соблюдение законов, скромность несмотря на богатство, которые пока не присущи украинцам:

«То есть в плане, там, поведения, бросить куда-нибудь, там, мусор на улице. Ну, то есть в Европе это все диким, казалось бы, и недопустимым. У нас, к сожалению, вот эта вот быдлость такая» (Киев, женщина, около 22 лет, студентка, фрилансер);

«В Европе как-то молодёжь стремится к чему-то большему, там, учиться, (...) а у нас где учиться, у нас мало кто идёт учиться, даже, ну, там, высшее образование получить, то есть, цель не стоит» (Киев, женщина, 26 лет, неоконченное высшее образование, секретарь);

«Я когда-то работал водителем итальянца. Он... ну, он миллионер, евро. (...) У него есть племянник, то есть, его брата сын, (...) у него как бы есть доступ к большим деньгам. (...) Он ездит на простом вольфе, фольксваген вольф, он работает, и там, ну, несколько раз в год он может себе позволить с друзьями, там, где-нибудь за границу мотнуться как бы отдохнуть. (...) Вот представьте нашего, да, украинского молодого человека, у которого, там, доступ к деньгам есть. Будет он учиться? Будет он ездить на вольфе? Я думаю, что нет» (Киев, мужчина, 35 лет, среднее образование, водитель).

Украина здесь — это не Европа, она лишь находится на пути к ней, и Майдан сыграл в этом движении ключевую роль:

«Знаете, [в Европе] это социальное сознание, когда люди сами соблюдают законы, не потому, что над ними стоит полицейский, а потому, что так надо. И я это вижу сейчас, это просыпается в украинцах очень сильно после Майдана. И во мне это увеличилось в разы, то есть это всегда было, но сейчас увеличилось в разы» (Киев, женщина, 27 лет, высшее образование, журналист).

Что касается представлений информантов об институциональном устройстве европейских государств, то в политике это, прежде всего, гарантии конституционных свобод и верховенство права, а также меньшая подверженность коррупции:

«Понимаешь, слово «европейский» у украинцев, ну, у большинства украинцев, имеет одну простую ассоциацию: это равный, свободный, правовой» (Киев, женщина, около 22 лет, студентка, фрилансер);

«[В Европе меня привлекает] отсутствие коррупции. Ну, как минимум, в таких масштабах, да, в каких она есть здесь» (Одесса, Майдан, женщина, 31 год, высшее образование, менеджер).

Второе институциональное преимущество Украины по сравнению с Европой, по мнению активистов Майдана — это благоприятные условия для развития экономики и бизнеса, в том числе — внимание к стандартам качества на производстве:

«В Европе есть определенные лицензии, что такой-то продукт, он должен соответствовать таким-то стандартам. У нас этого нету» (Киев, женщина, 22 года, студентка, фрилансер).

Наконец, Европа ассоциировалась со справедливой системой социального обеспечения, фиксированными зарплатами, дотациями, низкопроцентными кредитами:

«Вот почему, вот, Испания, Италия, у них есть минимальные заработные платы, (...) у них есть экономика, дотации, им государство дает кредиты 2, 3 процента. А у нас дает государство 20, 30 процентов. Ну что за бред?» (Киев, мужчина, 29 лет, высшее юридическое образование, безработный).

Когда речь шла об аккуратности, образованности, скромности, соблюдении правил и справедливости социального и политического устройства, информанты говорили, что украинцы только начинают двигаться в сторону Европы. Но в том, что касается готовности к коллективному действию и нетерпимости к несправедливости, Украина, по их мнению, уже достигла европейского уровня:

«Мы, как и Евросоюз, просто не потерпим (...) этот вот патриархат, (...) эту монархию патриархатскую, эту монархию. Что власть у одного человека. Такого не должно быть. Если вы назвались демократией, так, пожалуйста, давайте будем» (Киев, мужчина, 25 лет, высшее образование, предприниматель).

Практически те же самые аргументы использовались активистами Майдана в отношении населения восточной части Украины. Нет нужды воспроизводить их полностью, поскольку они повторяют аргументы, которые информанты приводили, говоря о России. Мы

остановимся лишь на нескольких ярких примерах. Так, жители Востока воспринимались участниками Майдана как экономически зависимые и необразованные:

«В основном это люди: а) с низким уровнем образования; б) это депрессивные регионы, дотационные, вот. Люди, которые сидят, сидели по копанкам, которые, эмм, не получали либо нормальных каких-то, ну, жили на какие-то несчастные пролетарские свои зарплаты, вот» (Киев, женщина, 26 лет, высшее образование, студент-историк).

Населению Востока приписывался также ограниченный кругозор:

«Ну, люди работают на шахтах, люди работают на заводах э... кроме этого они, ну ничего больше не видят. То есть, в Украине семьдесят процентов не было никогда за границей. Большая часть из этих людей, они никогда не были в Европе, они никогда не выезжали, там, за пределы Украины. Некоторые люди во Львове никогда не были» (Вроцлав, женщина, 22 года, неоконченное высшее, студентка);

Отсутствие образования и ограниченный кругозор способствовали, по мнению участников Майдана, неспособности жителей Востока сопротивляться манипуляциям:

«Возможно, попервоначально просто, я же говорю, исходя из той, так сказать, информационной войны, которая велась Россией, точнее российским правительством, многие попали под её влияние и на, так сказать, на волне своих каких-то определенных чувств, которые им вложили в голову, они пошли» (Киев, мужчина, 42 года, среднее специальное образование, охранник).

Кроме того, информационная изоляция восточного региона Украины рассматривалась сторонниками Майдана в качестве важного фактора, обеспечивающего симпатии восточного населения Антимайдану:

«Людей оставили в изоляции, они не получают информации, которой нужно. Сами анализировать они не могут, потому что нет информации. Если даже могли - нет информации» (Киев, женщина, высшее образование, работник сферы ЖКХ).

Таким образом, население Востока становилось для активистов Майдана частью более широкой группы – русских – и на них распространялись все те же стереотипы и объяснительные конструкции.

Нет ничего необычного в том, что идентичность какой-либо группы определяется через различия с другими группами. Однако активисты Майдана говорили не просто о различиях: они выстраивали иерархию, внутри которой любое отличие, если речь идет о России и Украине, приобретало позитивный или негативный характер. Русские по сравнению с украинцами — не просто другие: зачастую активисты Майдана рассматривали их как народ, который стоит на более низкой по сравнению с украинцами ступени развития. Такой взгляд на себя и других создает видимость «естественных» различий между двумя народами. В результате идея нации, которую породил Майдан, становится принципом для создания новых и новых дискриминирующих определений, от которых чем дальше, тем сложнее отказаться.

Отношение Майдана к лидерам

Несмотря на то, что у Майдана были «официальные» лидеры — В. Кличко, О. Тягнибок и А. Яценюк, которые регулярно выступали со сцены, вели переговоры с Януковичем и Верховной Радой, а затем, после выборов, заняли ключевые позиции в органах власти — участники Майдана (так же, как и участники «болотных» протестов в России) настаивали, что движение никто не возглавляет, и не воспринимали «троицу» всерьез:

«Ну, вот эта тройка — это точно нет [не лидеры Майдана — прим. авторов]. Майдан, мне кажется, ну, адекватные люди с Майдана их не поддерживали» (Харьков, Майдан, женщина, 21 год, незаконченное высшее, работник ЗАГС).

Активисты подчеркивали, что ни один из «тройки», и тем более «тройка» в целом, никогда не представляли Майдан — их роль была скорее технической: они вели переговоры с властью и осуществляли минимальную координацию действий протестующих. «Официальные» лидеры не воспринимались как те, кто «ведет» за собой Майдан, выражает его волю, и тем более оказывает на него влияние:

«То есть мы их терпели, да. Они поставили сцену, они туда выбегали, ну должен же кто-то, кроме гражданских активистов, как-то представлять, вести диалог с той еще властью, прошлой, да?» (Киев, женщина, около 22 лет, студентка, фрилансер);

«...без оппозиции не собралось бы столько людей. Они внесли очень хорошую долю в организацию всего этого изначально. Потом они перестали быть лидерами, потому что... Очень тяжело, когда выходит миллион человек на Майдан, у каждого мнение

разное. (...) Я считаю, что лидеров как таковых не было, у каждого он был свой» (Киев, мужчина, 24 года, высшее образование, работник транспортного предприятия).

Не действия «лидеров», а способность к самоорганизации были, по мнению наших информантов, движущей силой Майдана:

«...на самом деле, все было как-то, ну... на инициативе народа: один пошел, второй поддержал, третий согласился — и пошли. (...) Это все была самоорганизация» (Киев, женщина, 17 лет, школьница).

«Тройка» в каком-то смысле воспринималась как «необходимое зло», в то время как главным действующим лицом был «народ» — люди, которые собрались на площади:

«Так чтоб сильно какой-то прям вот идол, вот он лидер — не было, ну вот не было, я не скажу так. (...) То есть это был голос какого-то народа, всё равно, знаешь, они там что-то говорили, говорили, выступали, там свои какие-то позиции... но люди всё равно как-то своё отстаивали» (Киев, мужчина, 35 лет, среднее образование, водитель);

«Я думаю, что одного лидера не было. Там был народ. Если есть один лидер, это уже получается перегибы в какую-либо сторону. Там была воля народа. *Это основной лидер Майдана — воля народа*» (Киев, мужчина, 42 года, среднее специальное образование, охранник).

Таким образом, наши информанты активно отрицали влияние политических лидеров на Майдан, противопоставляя тех, кто претендует на эту роль, «воле народа» и самоорганизации. Тем не менее, это не исключало признания лидеров-символов Майдана, в число которых входили певица Руслана, Святослав Вакарчук из группы «Океан Эльзи», отец Филарет, Евгений Нищук («голос Майдана») или Владимир Парасюк, сотник, во время своего стихийного выступления на Майдане публично раскритиковавший оппозицию за ее излишне осторожное поведение. Именно этих людей участники протестов готовы были назвать своими лидерами, противопоставляя их «тройке». При этом их также не рассматривали как политических лидеров, скорее, они воспринимались как символы протеста. Другими словами, они не отвечали за политическую программу Майдана, но символизировали его дух и основные черты: искренность, патриотизм, готовность стоять до конца и прийти на помощь, отказ от насилия, самоотверженность. Они символизировали все то, что Майдан хотел противопоставить власти. Через гимн, который пела Руслана, песни Вакарчука, постоянно звучащий со сцены голос Нищука Майдан утверждал себя как

особое, узнаваемое место. Гимн, песни и голос — это то, что заставляло участников движения постоянно чувствовать себя причастным к чему-то общему:

«Ну, на самом деле, главным лидером Майдана была Руслана, которая еще со студентами, на Михайловском. Когда идет "Беркут", Руслана дрожащим голосом поет гимн, охрипшим. Руслана — это был тот голос на Майдане, который был слышен везде, на который люди реагировали» (Киев, женщина, 17 лет, школьница).

Чем определялись симпатии к тем или иным публичным фигурам на Майдане? Можно выделить два основных аспекта, которые были важны для участников протеста: непричастность к системе власти, сложившейся при Януковиче, и соответствие слов делам.

Во-первых, причастность к политической системе, сформировавшейся при Януковиче, означала клеймо для политика. И дело здесь не столько в поддержке «Партии Регионов», сколько в участии в «политике» как таковой — ведь она прочно ассоциируется с коррупцией и насилием. Если, как говорили многие, «политика — это грязное дело», то сам факт соприкосновения с ней накладывал на человека несмываемый отпечаток. Во многом такое восприятие было связано с разочарованием в результатах «Оранжевой революции»:

«Понимаешь, две ключевые разницы революции той [Оранжевой — прим. авторов] и этой (...) Разница в том, что мы перестали вообще верить политикам. Тогда мы верили одному человеку. (...) Мы, мы перестали быть наивными. Абсолютно. Выходили, выступали политики. Знаешь, какой процент доверия был у них, да? Несколько процентов. (...) Украинцы перестали верить политикам» (Киев, женщина, около 22 лет, студентка, фрилансер).

Соответственно, отсутствие политического опыта рассматривалось участниками Майдана в качестве преимущества. Один из активистов так объяснял свои симпатии к В. Кличко:

«Почему симпатизировал Кличко — потому, что он не был замешан в политике. Значит, изначально он как новый человек ничем свои руки не загрязнил и не понятно, хороший он или плохой» (Киев, мужчина, 24 года, высшее образование, работник транспортного предприятия).

Во-вторых, доказывать свою верность движению нужно было не словами, а поступками. Обычно политики — это те, кто обещают. Майдан же был готов «простить» тех, кто не говорил, а делал:

«Например, многие в Украине уважают Олега Ляшко. Почему? Потому что, допустим, в Донецк на проукраинский митинг, на котором я был, никто из депутатов не приехал, кроме него. (...) Он делами доказывает свою позицию» (Киев, мужчина, около 30 лет, высшее образование, школьный учитель);

«Порошенко тоже какое-то время симпатизировал: при том, что он олигарх, он рвался на Банковую, он рисковал своей жизнью в какой-то мере. У него там сына ранили, не знаю, правда это или нет. Он чего-то добивался, вытаскивал активистов» (Киев, мужчина, 24 года, высшее образование, работник транспортного предприятия);

«Руслана стояла с самого первого дня, стояла среди студентов, стояла... то есть, она на протяжении всего Майдана, абсолютно, она отказалась от своей работы, и она посвятила себя полностью Майдану» (Киев, женщина, 22 года, студентка, фрилансер).

Порошенко, Ляшко, Правый сектор, Олеся Оробец и Руслана, несмотря на всю свою несхожесть, получили поддержку по одной и той же причине: они поддерживали движение не на словах, а делами, и эти дела служили главным свидетельством их позиции в конфликте, делая второстепенными их политические предпочтения⁸. Так, например, признаваясь в своих симпатиях к «Правому сектору», активисты обычно говорили не об идеологии организации, а о том, что она была наиболее деятельной частью Майдана; или, как хорошо видно в одной из приведенных выше цитат, тот факт, что Порошенко является олигархом, уходит на второй план, потому что он со всеми «стоял» на Майдане и помогал активистам. В то же время в моменты, когда, по мнению участников протеста, «лидеры» предавали цели движения — как, например, во время зимних боев, отговаривая от открытых столкновений и призывая подождать — доверие к ним снижалось. Верность движению определяла популярность лидеров среди рядовых участников Майдана и обеспечивала их поддержкой, которая исчезала, как только лидеры переставали оправдывать ожидания.

Таким образом, Майдан еще раз продемонстрировал недоверие граждан к политике как институту. Однако при этом он воспринимался как горнило, пройдя через которое кто угодно получал возможность «очиститься» и, доказав свою приверженность целям движения, буквально обрести новую жизнь. «Грязный» политик мог отмыться, а олигарх

⁸ Похожую ситуацию можно было наблюдать в России во время движения «За честные выборы», участники которого готовы были закрывать глаза на политические различия друг друга ради того, чтобы сохранить единство движения. См. подробнее главы 7 и 10 в книге «Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011-2013 годов». Коллективная монография; Алюков М.Л., Ерпылева С.В., Желнина А.А., Журавлев О.М., Завадская М.А., Клеман К., Магун А.В., Матвеев И.А., Невский А.В., Савельева Н.В., Туровец М.В.; редакторы Ерпылева С.В., Магун А.В. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 480 с.

перестать быть тем, кто обворовывает народ, если они подчинялись правилам Майдана. Возможно, здесь и кроется ответ на вопрос о том, почему, воюя против политиков и олигархов, Майдан в результате выбрал Порошенко. Участники движения не раз говорили, что избавятся от нового президента, если он не оправдает оказанного ему доверия. Однако ловушка Майдана заключалась в том, что он не выдвинул ни одного критерия для оценки происходящих политических событий или своих представителей, кроме как приверженность самому себе.

Отношение Майдана к новой власти и государству: против системы, избегая «политики»

Активисты Майдана двояко относились к новой власти и новому президенту Петру Порошенко. С одной стороны, ему не доверяли и считали, что он проходит «испытательный срок». Если он оправдает ожидание, ему станут доверять, а если нет — устроят новую «революцию». С другой стороны, несмотря на то, что Порошенко, как и Яценюк или Кличко, — это человек из «системы», поддержав Майдан, он «очистился» от грязи «большой политики». Вместе с тем, в отношении к Порошенко можно увидеть и некоторую инфантильность. Люди и осуждали конкретные действия нового президента, и сомневались в своем праве судить о нем, особенно в ситуации войны:

«Не считаю, что Порошенко такой же жалкий человек, как Янукович, чтобы против него стал Майдан. Я считаю, что если встанет, то только потому, что не была сломана система. Вот он назначает — вроде хороший, толковый мужчина, ну как по мне, я почитал, увидел, когда он назначает главным по судам на должность того человека, которого хотели посадить в тюрьму за то, что он майдановцам сроки выписывал, который способствовал “Партии Регионов” Януковича. Просто тяжело видеть такое. Я не знаю, может быть, из-за войны нужны меры» (Киев, мужчина, 24 года, высшее образование, работник транспортного предприятия).

Другая информантка высказалась в отношении Порошенко так же двусмысленно:

«Нашим было запрещено стрелять, а наших убивали. В этом смысле я не понимаю его хода мысли. Ну, не мне судить, я не знаю, там, его мыслей. Ну, конечно, надежды все-таки вот... Хочется, чтобы что-то поменялось» (Киев, женщина, 17 лет, школьница).

Чтобы понять отношение участников Майдана к конкретному политическому режиму, Януковича или Порошенко, нужно понимать, как они относятся к государству и власти в целом.

До сих пор многие спорят о том, был ли Майдан протестом «низовым», самоорганизованным или же спланированным теневыми игроками. Безусловно, имели место обе тенденции: и попытки контролировать Майдан со стороны «системной оппозиции» и олигархов (которые пришли к / остались у власти благодаря Майдану), и небывалый взрыв самоорганизации. О теневых процессах организации Майдана в целом и отдельных эпизодах, связанных с насилием, мы, вероятно, доподлинно узнаем еще не скоро (а вопросов много: кто отдал приказ избить студентов в конце ноября? Кто стоял за снайперами? Кто определял порядок выступлений и систему доступа к сцене?). Здесь же мы ограничимся вопросом о том, что рядовые протестующие думали о политической власти и государстве. Ведь не только сговоры и интриги, но и ценности, идеалы и поведение рядовых протестующих влияют на ход масштабных политических процессов, каким и был Майдан.

Чувство единства, захватившее людей на Майдане, позволило им испытать собственную власть:

«Майдану мы благодарны за то, что он объединил нас и как-то дал понять, что мы можем сами что-то делать (...). Не на органы, не на власть, а человек понимает, что если он объединится еще с какой-то... количеством людей, то они могут что-то поменять» (Киев, женщина, 17 лет, школьница).

Активисты настаивали на том, что Майдан представляли, прежде всего, его рядовые участники, а не сцена с «говорящими головами», к которым большинство майдановцев относились с недоверием. Это противопоставление народа «лидерам» и «организаторам» не случайно: люди видели в спикерах, Тягнибоке, Кличко, Яценюке и т. д. представителей той политической системы, против которой они боролись. Как и для российской Болотной, для Майдана было характерно неприятие «большой» политики, которая прочно ассоциировалась с коррупцией, ложью и насилием. В целом, Майдан был протестом не просто против Януковича и его режима, а против «системы» с ее олигархами, продажными политиками, жестокими спецслужбами, о чем говорили многие наши информанты. Сцена самого Майдана была как бы частью этой большой политики, а не частью Майдана как низового движения. Украинские протестующие считали «большую политику» настолько «грязной», что видели единственный шанс ее исправления в радикальном обновлении кадров:

«я стоял (...) за свержение действующей власти, (...) за новую хорошую жизнь. А если спросить, как я ее вижу, я могу объяснить в двух словах: это привлечение полностью новых людей» (Киев, мужчина, 25 лет, высшее образование, предприниматель).

При этом люди полагали, что политики в принципе могут быть честными, однако, парадоксальным образом, для этого они должны перестать быть «политиками». Когда мы спрашивали у людей, как они видят своего идеального политического представителя, они противопоставляли типичным «политикам» другие социальные роли — использовали метафору «наемного менеджера» или «гражданского активиста»:

«Кампания Леси Орбец на мэрских выборах — она была типа кампании Навального. Она вся была на волонтерских засадах, у нее, по-моему, третье место или второе... вот. И у нее адекватное видение того, что я менеджер, меня наняли, такой, европейский абсолютно подход (...). И люди начинают не брезговать, гражданские активисты, таким словом «политика», да? А начинают понимать, что это просто рычаг, что с этим можно просто работать. Потому что пока все порядочные люди брезгуют политикой, то вся мразь, собственно, туда и сунется. Чем больше будет порядочных людей там, ну, тем меньше будет вся, вся, всякого говна» (Киев, женщина, около 22 лет, студентка, фрилансер).

Вместе с тем, у многих было радикально скептическое отношение к политике, которое отвращало людей от политического участия. То есть, помимо мнения «политика грязная, поэтому нужны новые, честные политики», было и другое, более популярное: «политика грязная, поэтому я не буду в ней участвовать, да и Майдану не нужно идти в большую политику». Как заметил один наш информант,

«изначально, когда был Майдан, хотелось, конечно, в какое-то объединение, еще что-то. Понимаете, столько людей, которые наживаются на всем этом. Это может быть объединение, которое кем-то куплено, это может быть объединение, которое пойдет в политику, допустим, и будет не просто активистами или патриотами, а будет теми людьми, которые там... им там что-то дают, взятки какие-то, и они будут поднимать руки и голосовать, как им скажут. Я просто не хочу в такой организации оказаться. Тяжело верить — я не верю, что просто можно искренне, чтобы искренний человек пошел в политику. Потому что просто система настолько прогнила — я просто в транспортной сфере работаю, и поэтому так думаю» (Киев, мужчина, 24 года, высшее образование, работник транспортного предприятия).

Таким образом, активисты Майдана поверили в собственные силы и собственную возможность влиять на страну, но при этом оставались равнодушны к «большой политике»:

«Ответ: Сейчас... у меня есть осознание, что я соберу группу людей, и мы можем на что-то повлиять, мы можем как-то что-то изменить... это очень классное чувство.

Вопрос: Ага, а еще что-то? Какая-то, может быть, низовая активность или политическая? В чем-то ты собираешься участвовать, что-то тебя привлекает?

О.: Э... я думаю, нет.

В.: А допускаешь ли ты вступление, там, в какую-нибудь политическую партию?

О.: Не-а.

В.: Почему?

О.: Ну, потому что... мне просто это не интересно. Ну, я, например, не хочу заседать в парламенте, еще что-то... просто, мне вот именно такая, чисто политическая деятельность, там, партии, еще что-то, меня не привлекает» (Киев, женщина, 22 года, студентка, фрилансер).

Некоторых активистов переживание собственной силы и неприятие «политики» привели к мысли, что вместо участия в «большой политике» необходимо устраивать новые революции — и тогда государство изменится само:

«Почему у нас нельзя сделать так [как в Грузии]? Было бы желание. Наверное, это желание у них [у властей — прим. авторов] должно появиться при третьей революции, я не знаю» (Киев, мужчина, 24 года, высшее образование, работник транспортного предприятия).

Возможно, именно из-за презрения к «системе» обычные люди, прошедшие Майдан, не пошли дальше — в государственную и партийную политику, и поэтому «система» осталась прежней. Ощущение того, что Майданом «воспользовались», вызвало разочарование многих активистов:

«Случилось полностью, не полностью, а частично, расформирование администрации президента и других органов. А нужно было всех полностью. (...) То, что сейчас после Майдана, эти назначения на новые должности, временная власть — это все было самым ужасным. Майдан случился, революция случилась, но после всех этих выводов, которые были сделаны людьми, ничего не изменилось. Пришли снова бандиты. (...) Ну да, этот наворовал на 2 гривны меньше, чем Янукович, а этот наворовал на 3 гривны меньше. Все, берем этого, который наворовал на 3 гривны меньше. Дадим ему шанс

наворовать побольше. (...) Вместо того, чтобы брать молодых специалистов, которых куча, (...) и они могут спокойно, прямо сейчас становиться у президентского аппарата и в других органах исполнительной власти — они поназначали тех же самых козлов и посчитали, что это случилось революция и ротация нашей власти. (...) Но я в это не верю» (Киев, мужчина, 25 лет, высшее образование, предприниматель).

Впрочем, несмотря на нежелание «идти в политику», активисты Майдана предложили важную альтернативу — идею гражданского контроля политической системы:

«Наша задача, гражданского общества — контролировать их. Это самое важное, что случилось. (...) События превратили всех в гражданских активистов по той простой причине, что за нами стоит ответственность всех наших погибших. (...) Мы понимаем, что, конечно же, будут олигархи, будут схемы, будет криминалитет пытаться и так дальше. Наша задача в том, чтобы это контролировать и делать этого все меньше и меньше. (...) Мы перестали осознавать революцию как событие. Мы начали осознавать революцию как процесс. Длительный процесс социальных изменений» (Киев, женщина, около 22 лет, студентка, фрилансер).

Будущее Украины глазами участников Майдана

После того, как прошли президентские выборы и постепенно начал разгораться конфликт на юго-востоке Украины, отношение к лагерю на Майдане Незалежности среди самих протестующих стало меняться. Особенно заметно это на примере интервью с киевлянами: площадь, на которой активисты провели большую часть зимы, стала восприниматься ими как чужая, населенная уже «не теми» людьми. Настоящие граждане и патриоты, с точки зрения активистов Майдана, сейчас воевали за независимость Украины или помогали украинской стороне:

«Сейчас, например, это [то, что происходит на Майдане Незалежности — прим. авторов] уже превратилось в какое-то... полную противоположность Майдану. Потому что сейчас там стоят люди абсолютно неадекватные. (...) Ну, если там сейчас пойти, это абсолютно не те люди, которые там были, то есть, это просто стоят люди, которые или бездомные, им некуда идти, или еще что-то, то есть абсолютно уже... Или люди, ну, это кому-то выгодно, чтоб стоял этот Майдан» (Киев, женщина, 22 года, студентка, фрилансер);

«Пора убрать вот эти палатки, пора убрать этот бардак в центре города. Да, мы ещё не получили то, чего требовал Майдан — люстрацию. (...) Но то что сейчас там происходит, это не то, что было» (Киев, мужчина, 35 лет, среднее образование, водитель).

Тем не менее, многие активисты не считали, что Майдан завершен. Большинство тех, с кем нам удалось поговорить, отмечали, что цели Майдана достигнуты только отчасти и уход Януковича — лишь первый шаг на долгом пути изменений. Практически все были не удовлетворены текущим положением дел и критически отзывались о действиях новой власти. Именно поэтому для них Майдан в каком-то смысле все еще продолжался:

«Ну, в целом Майдан, на мой взгляд, не закончился, потому что ещё очень много чего предстоит сделать. (...) Помимо всего прочего, видно, что ну верхи-то основные никуда не удалились, вернее ряд удалился, но в целом атмосфера не изменилась. То есть, правила игры остались для них те же. Они просто обрадовались, что освободилось место, освободились определённые активы, которые можно прихватить, и плюс немножко изменили расстановку сил» (Киев, мужчина, высшее образование, журналист).

Участники Майдана были готовы выходить на улицы еще и еще в том случае, если пришедшие на волне протестов политики не смогут или не захотят решать накопившиеся проблемы и выполнять свои обещания:

«Здесь все очень критично относились к Порошенко. Значит, за него проголосовали, но это так, аванс, типа, да, мы за тебя проголосуем, но если ты ничего не делаешь, то мы тебя очень быстро уберем. И мы уже знаем, как это делается» (Киев, женщина, 22 года, студентка, фрилансер).

Каким участники протестов хотели бы видеть будущее страны? Целостность и суверенитет Украины в ответах информантов являлись главными составляющими «лучшего сценария» развития. Зачастую реализация этого сценария не исключала выполнения требований «сепаратистов» — правда, в «разумных пределах»:

«...мирное разрешение конфликта, Донецк, Луганск в составе Украины, децентрализация, как они хотели. То есть с ними поговорить, выполнить все их требования — ну конечно, не такие, чтоб отсоединиться от страны, а адекватные требования выполнить и чтобы все в стране жили хорошо, и не было войны, в первую очередь» (Одесса, Майдан, мужчина, 17 лет, абитуриент).

Сразу после восстановления целостности упоминались победа над коррупцией и, как следствие, экономический рывок, основанный на грамотном использовании внутренних ресурсов страны: развитого сельского хозяйства, присущего украинцам трудолюбия, наличия развитых курортов. В последнем случае речь, опять же, шла о восстановлении целостности страны путем возвращения Крыма, при том, что само по себе отношение к Крыму и крымчанам было очень неоднозначным. Наконец, будущее Украины совсем не обязательно ассоциировалось с Евросоюзом:

«Лучший сценарий [развития страны] — это мы поймем, что мы сами можем все, нам никто для этого не нужен. Евросоюз сам будет нас звать, что давайте к нам скорее, а мы еще будем думать, идти или нет» (Киев, женщина, 27 лет, высшее образование, журналист).

Наиболее тревожные прогнозы наших информантов были связаны с утратой Украиной своего суверенитета, разделением страны и гражданской войной:

«Худший сценарий — это нам будут вставлять палки в колеса соседи, то есть постоянно вот это вот, где-то дергать, смыкать нас за нитки, за ноги, за руки, за пальцы, для того, чтобы не дать нам поднять голову. Вот. Это может продолжаться достаточно долго, потому что... хотя, конечно, я понимаю, что экономические возможности России тоже не бесконечны, им это надоест, но просто им легче переварить оснащение каких-то там небольших диверсионных групп, которые сюда посылают периодически, и мутить здесь воду» (Одесса, Майдан, мужчина, 53 года, высшее образование, моряк);

«Худшие? Это то, что у нас начнутся кровопролитные действия, если Россия введет, так называемые... так называемые «миротворческие» войска. При том, как я предполагаю, это произойдет, видимо, со стороны, наверное, и Приднестровья и Донецка» (Одесса, Майдан, женщина, работает бухгалтером).

Несмотря на упомянутую выше возможность возобновления Майдана в ответ на рост коррупции во власти, такой сценарий практически не встречается в рассуждениях о будущем страны. Также, описывая лучший и худший сценарий, участники Майдана редко обращали внимание на экономические проблемы, которые возможны в связи со сменой власти и ухудшением отношений с Россией – проблема, которую, как будет показано ниже, часто упоминают активисты Антимайдана. Развитие гражданского движения как фактора, влияющего на будущее страны, также практически не упоминается ни в лучшем, ни в

худшем сценарии. Это позволяет сделать вывод о восприятии протестного движения как временного, экстремального механизма общественных преобразований, а не постоянной и неотъемлемой части гражданского общества.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ. АНТИМАЙДАН

Требования и лозунги Антимайдана

Прежде чем приступить к анализу Антимайдана, необходимо уточнить: в этой части мы пишем лишь об «Антимайданах» Харькова и Одессы (Крым посвящен отдельный раздел). За что боролись сторонники Антимайдана? Опираясь на то, как сами участники протестов формулировали цели движения, мы выделили два списка целей и требований: позитивные — связанные, в первую очередь, с предоставлением больших полномочий регионам, но не только, и негативные — те, что построены вокруг отвержения целей, методов и последствий Майдана.

Основное позитивное требование Антимайдана касалось федерализации и/или децентрализации, т. е. приобретения регионами большей независимости от центра:

«Антимайдан-то начинался с чего? Референдум о федерализации, причем на тот момент вопрос стоял о федерализации в составе Украины. Почему — потому что на сегодняшний день, ну, допустим, та же Одесса, честно, она... нам очень обидно — у нас работает четыре порта, я считаю, что наша область достаточно прибыльна, и отправлять все деньги туда — в Киев, у нас тоже тут можно что-то развивать и что-то строить. У нас заглох туризм. Почему — потому что это все не финансируется. У нас заглохли все санатории, все дома отдыха, Одесса могла еще и на этом зарабатывать. Мы свои же деньги, да, зарабатываем, а там мы могли бы вкладывать в развитие того же туристического бизнеса. Это наше» (Одесса, Антимайдан, женщина, 43 года, высшее образование, предприниматель).

Некоторые из сторонников Антимайдана подчеркивали, что федерализация не означает отделения региона от Украины:

«Никто ж не говорил за раскол страны. Они называют нас сепаратистами, что мы за раскол страны, что мы типа стремимся к России. Такого ж никто не говорил на самом деле. Был же разговор о том, чтобы провести референдум, и стать автономией в составе Украины» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 23 года, неоконченное высшее образование, торговец компьютерами на рынке).

Хронологически требования федерализации и предоставления большей независимости регионам были наиболее актуальны на первых этапах развития движения, зимой 2014 года, до президентских выборов, событий 2 мая в Одессе и начала военной операции на востоке Украины. Трагедия 2 мая, а затем начало АТО, которая принимала все более ожесточенный характер, были восприняты как доказательство того, что власть не готова идти на уступки и учитывать мнение людей, не согласных с новым курсом. Это привело к тому, что многие сторонники Антимайдана перестали идентифицировать себя с Украиной:

«После того, что началось вот 2 мая, честно, в этой стране мне уже жить не хочется, я эту страну уже как страну не вижу. Потому что ну нельзя так поступать с людьми, которые поддерживают другое какое-то мнение» (Одесса, Антимайдан, женщина, 43 года, высшее образование, предприниматель).

Поэтому уже летом требования федерализации стали для сторонников Антимайдана элементом истории движения, и они начали говорить о государственной независимости региона или присоединении к России. Та же информантка продолжает:

«Я поддерживаю присоединение к России. [До этого я была за] федерализацию в составе Украины, да, то есть... пока не было всех этих событий, пока не начались убийства людей, (...) я не была сторонником развалить эту страну, у меня мысли такой не было. Я жила здесь, я выросла» (Одесса, Антимайдан, женщина, 43 года, высшее образование, предприниматель).

Самым радикальным вариантом решения проблемы было упразднение Украины как государства и вхождение в состав Новороссии:

«У всех мнение разное: кто-то говорит, что должна быть независимая Новороссия от Харьковской до Одессы. Кто-то считает, что должна быть, мы должны

присоединиться к Российской Федерации. Лично мое мнение — это то, что армия Новороссии должна входить в Киев и ликвидировать Украинскую государственность и создавать Новороссию размером с Украину» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 22 года, студент, букмекер).

Однако позитивная повестка Антимайдана включала в себя не только требования федерализации / децентрализация, ставшие идеологической базой сепаратизма. Отвечая на вопрос о том, за что или против чего выступает их движение, небольшая, но значимая часть наших информантов формулировала требования повышения уровня жизни и социальных гарантий:

«Улучшение жизни... улучшение жизни людей, прекращение, скажем так, ну, уже сейчас, когда это всё началось, прекращение войны, увеличение социальных каких-то выплат» (Одесса, Антимайдан, женщина, 39 лет, высшее образование);

«Это протест против ухудшения стандартов жизни (урезание пенсий, зарплат, увеличение стоимости коммунальных услуг и т.п.) в связи с требованиями МВФ и интеграцией в Евросоюз (ассоциацией и т.п. — форма подчинения Евросоюзу особого значения не имеет). Протест против убытков, которые получают мелкий и средний бизнес из-за ограничений по производству, сбыту и т.п. со стороны ЕС» (Одесса, Антимайдан, женщина, 30 лет, среднее образование, работник рекламы и маркетинга).

Второй блок представляет собой негативные требования, также важные для сторонников Антимайдана: протест против всего того, что было связано с Майданом — против тех, кого он привел к власти, против его «кровавых» и «нелегитимных», в представлении сторонников движения, методов, против его результатов и последствий, против его требований (в первую очередь — подписания Соглашения об ассоциации с ЕС):

«Антимайдан вообще зарождался именно как протестное движение против той вот революции, которую, точнее будем называть вещи именами своими, против вооруженного переворота, который творился в Киеве, ни к чему, ну, чувствуют люди, что ни к чему это не могло привести хорошему» (Одесса, Антимайдан, мужчина, 30 лет, среднее специальное образование, железнодорожник).

Некоторые наши информанты уточняли, что они недовольны не просто самим фактом незаконной смены власти, но той политикой («антирусской» и «антинародной»), которую эта власть претворяет в жизнь:

«Думаю, в первую очередь это [Антимайдан — прим. авторов] способ людей выразить свое недовольство новой властью, которая пришла «на крови», которая не имеет такой широкой поддержки населения, что бы там ни говорили их «карманные» СМИ и опросы, и осуществляет реформы не в пользу народа, а согласно сценарию, придуманному «верхушкой» США для Украины» (Одесса, Антимайдан, женщина, 30 лет, среднее образование, работник рекламы и маркетинга).

Небольшая часть наших информантов, сторонников Антимайдана, указывали в качестве задачи движения поддержку старой, легитимной, с их точки зрения, украинской власти:

«Изначально Антимайдан был, как бы в поддержку действующей власти. Да. Потому что часть людей считала, что тогдашняя власть все делала правильно, и поэтому ее поддерживали» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 36 лет, среднее специальное образование, рабочий).

Однако большинство участников Антимайдана относились к предыдущему режиму критически. Но даже в их глазах старый режим был привлекательнее нового из-за отсутствия войны, роста цен, падения зарплат и относительной «стабильности». Не требуя возвращения Януковича, активисты Антимайдана критиковали новую власть. При этом они не уточняли, кто именно должен занять ее место. Они просто выступали против тех перемен, которые принесла с собой «украинская революция», среди которых были война, падение уровня жизни и рост националистических настроений:

«Мы были против того вот разгула фашизма в стране, который происходит, против, конечно, против Майдана. (...) Вот-вот-вот все, фашизация страны просто-напросто. На Майдане зародилась фашизация страны — то, что сейчас происходит в стране. Страна превратилась, скажем так, в клоаку неуправляемого фашизма. Вот и все» (Одесса, Антимайдан, женщина, 39 лет, высшее образование).

Итак, участники Антимайдана говорили как о негативных, так и о позитивных требованиях движения. Главное позитивное требование — это федерализация. Также важными были требования лучшей жизни и социальных гарантий. Негативные требования движения (хотя их нельзя назвать «требованиями» в полном смысле) выстраивались вокруг критики Майдана, новой власти и того, что они принесли вслед за собой — войну, нестабильность, «разгул фашизма».

Риторика Антимайдана: как активисты объясняли свое участие в протесте?

В предыдущем разделе мы описали основные требования, которые формулировали в интервью участники Антимайдана в Харькове и Одессе. Теперь мы проанализируем аргументы, к которым прибегали наши информанты для того, чтобы обосновать свое участие и требования. Мы выделили четыре типа аргументов: защитные, процедурные, демократические и исторические.

Во-первых, активисты Антимайдана считали свои действия оправданными и необходимыми, поскольку, по их мнению, эти действия были вынужденным ответом на агрессию со стороны Майдана. Участников Майдана представляли как захватчиков, вторгшихся на чужую землю:

«К нам приезжали люди с того же самого Киева, причем не по сотне, там, человек. Там приезжало и по полтысячи. Чисто злость и агрессию испытывал к этим людям, потому что они приезжают на чужую землю, они здесь чужие, их сюда никто не приглашал. Зачем вы к нам лезете? Мы ж не едем к вам, там, с битами, с коктейлем Молотова, с пистолетами, с автоматами. Мы ж к вам не едем, там, в города, не угрожаем вам» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 23 года, неоконченное высшее образование, торговец компьютерами на рынке).

Эта риторика одновременно использовалась сторонниками Антимайдана для того, чтобы делегитимировать своих противников — ведь безопасности и спокойствию участников Майдана не угрожал никакой внешний враг, они сами стали инициаторами конфликта:

«На Майдан никто не нападал. И как они там самооборона были, от чего? Мне это, проще говоря, не понятно» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 22 года, студент, букмекер);

«Ну, вот смотрите, у них цель — побороть коррупцию, а мы что за коррупцию? — мы тоже против коррупции. Просто у них методы какие — прийти, тех выгнать, причем выгнать непонятно как, и наводить свои порядки. А мы никого не выгоняем, мы не наводим свои порядки» (Харьков, Антимайдан, мужчина, около 26 лет, высшее образование, курьер).

Во-вторых, наши информанты со стороны Антимайдана использовали процедурные аргументы для оправдания своего движения. С их точки зрения, власть в Украине сменили незаконными методами — поэтому они имеют право на возмущение: «Мы не признаем эту власть, потому что она прошла незаконным путем» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 53 года, среднее образование, бизнесмен).

С другой стороны, методы Майдана представлялись активистами Антимайдана не только как незаконные, но и как насильственные — и именно поэтому казались неприемлемыми:

«Я считаю, что никакая революция до добра не приводит ни государство, ни страну там, ни район, ни область. Это волнения, это срыв работы, понимаете. Я считаю, что все равно, понимаете, какой бы ни был Янукович — плохой, хороший, но он шел с ними на переговоры» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 53 года, среднее образование, бизнесмен);

«Конечно, надо было как-то избавляться от Януковича (смеется), я не спорю, но не таким же методом» (Одесса, Антимайдан, мужчина, 23 года, высшее образование, фрилансер).

В-третьих, сторонники Антимайдана часто обращались к аргументу, который мог бы удивить их оппонентов. Этот аргумент — защита демократии в обществе. Несмотря на то, что Майдан пытался представить себя как движение за демократию, а своих оппонентов обвинить в поддержке диктатуры, сами сторонники Антимайдана также использовали правозащитно-демократическую риторику. Наши информанты часто настаивали на том, что движение Майдана, совершив «переворот» в стране вместо референдума, лишило их тем самым права на выражение собственного мнения, а также на жизнь в обществе, где это мнение будет учитываться:

«Там сжигать, протесты делать, избивать людей, женщин, стариков, детей. Зачем? Что они сделали? У каждого — свое мнение. В конституции даже написано, что каждый имеет право высказывать свое мнение. Также никто не имеет права его запрещать. Смысл тогда вот этих вот всех действий?» (Харьков, Антимайдан, мужчина, высшее образование, бизнесмен);

«Понимаете, те идеи, за которые стали на Майдане, это ограниченное количество людей в стране. Это далеко не все население страны. И почему-то люди, которые даже не являются большинством в этой стране, по сути, возомнили, что они украинцы и на

каком-то таком чисто своем основании, не считаясь ни с кем, взяли, поставили свою власть, свое правительство... какие-то свои идеалы. А в этой стране, извините, еще живут как минимум 20 миллионов людей, которые думают иначе. И мнение этих людей не учитывать нельзя. И в этом случае движение Антимайдана именно есть воплощение мнения этих 20 миллионов людей, которые не согласны с тем, что сделали эти... другие, допустим, 20 миллионов. И это своего рода движение за демократию, потому что демократия заключается в том, что каждый имеет право выбора. Каждый человек. Все решается голосованием. Референдум — это прямое проявление народовластия, то есть, демократии. И исходя из этого, это [Антимайдан — прим. авторов] можно охарактеризовать как движение людей, мнение которых просто проигнорировали, и они хотят, чтобы это мнение учитывали» (Одесса, Антимайдан, мужчина, 23 года, высшее образование, фрилансер).

Наконец, сторонники Антимайдана прибегали к историческим аргументам. Речь в данном случае идет об обращении нашими информантами к истории и опыту Второй мировой войны, защиты родины от фашизма:

«Как я могла не принять в этом участие? Потому что я помню своего дедушку, который погиб на войне, потому что я помню свою бабушку, которая ждала его всю жизнь. Я помню, ну... я когда училась в школе, у нас проводили уроки мужества, уроки патриотизма, к нам приходили ветераны, которые нам рассказывали о том, что происходило на войне, о том, что такое фашизм. Я не могла по-другому. Я не могла принять участие в этом. Я, естественно, пришла сюда. Потому что я считаю, что фашизм — это не... скажем так, это то, что вообще не должно существовать никогда. То есть, должно быть похоронено» (Одесса, Антимайдан, женщина, 39 лет, высшее образование).

Участие в Антимайдане представлялось опытом, который черпал свою легитимность не только в прошлом, но и в будущем — оно создавало правильную историю для нового поколения:

«Я говорю: единственное, что меня мотивирует, это когда мой будущий ребенок скажет: «Когда на мою родину будущую напали нацисты — где ты был?» — «Да, вот я...». Вот у меня дедушка, к сожалению, умер, ну и вообще вот типичные люди, они гордятся своими отцами, то, что они воевали, они там рассказывали историю, они там настоящие герои. И они именно завоевали авторитет. И мне чем-то нужно завоевать

авторитет будущих детей и рассказывать, как нужно любить родину» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 22 года, студент, букмекер).

Эмоции в движении Антимайдана

Выше мы уже анализировали спектр эмоций, испытываемых участниками движения Майдана. Здесь мы обратимся к эмоциям сторонников Антимайдана, сравним их с первыми и покажем, как они изменились после поражения движения.

С одной стороны, эмоции, которые стали двигателем контр-движения, походили на эмоции участников Майдана. Так, активисты Антимайдана тоже испытывали чувство единения и духовного подъема:

«Эмоции. Ну, вы знаете, тяжело даже сказать. Какого-то единения, наверное, в городе. Один за всех и все за одного, наверное, так вот правильное всего будет» (Одесса, Антимайдан, мужчина, 30 лет, среднее специальное образование, железнодорожник).

Ощущение единства подкреплялось представлением об общности цели и схожести взглядов:

«Вообще было довольно интересно и приятно, потому что, в любом случае, находиться (...) в обществе людей, которые разделяют с тобой определенные взгляды, определенные идеалы — уже что-то значит» (Одесса, Антимайдан, мужчина, 23 года, высшее образование, фрилансер);

«Знаете, какие эмоции? Возможность, вот, выразить протест, (...) наверное, эйфория и восторг от того, что ты можешь, наконец-то высказать, среди своих соратников, высказать свое мнение» (Одесса, Антимайдан, женщина, 43 года, высшее образование, предприниматель).

В какой-то степени, так же как в случае Майдана, эмоция единства порождала empowerment — чувство силы, ощущение того, что от тебя что-то зависит и ты можешь влиять на происходящие в стране процессы:

«Ну, как сказать? Что нравилось? Мне нравилось, когда много людей выходило и мы все вместе, вот мы сила» (Харьков, Антимайдан, женщина, 52 года, высшее педагогическое образование, бывший работник завода, безработная).

Однако сторонники Антимайдана реже упоминали чувство общности и empowerment, чем участники Майдана. Гораздо более распространенной эмоцией для сторонников Антимайдана был страх. Во-первых, это был усиленный пропагандой в СМИ и подкрепленный силовыми столкновениями и пожаром в Доме профсоюзов страх перед предполагаемой жестокостью активистов Майдана:

«Я вам скажу так, там есть тоже нормальные люди, которые не разделяют этих взглядов, но они, там, запуганы, они боятся, там, не то, что слово сказать, они боятся подумать даже. А как за георгиевские ленточки бьют, убивают, избивают до смерти, ну что это такое? (Харьков, Антимайдан, женщина, 52 года, высшее педагогическое образование, бывший работник завода, безработная).

Во-вторых, это был страх перед действиями нового правительства:

«Сейчас да, уже мало приходит [акций], потому что уже все опасаются, все боятся, потому что это очень строго пресекается» (Харьков, Антимайдан, мужчина, около 35 лет, высшее образование, бизнесмен);

«Потом они начали свои меры ужесточать, развивать пропаганду и давить. На будущее не могу сказать, есть такая разобщенность, многих людей напугали, вот, они сидят тихо по каморкам, боятся высунуться» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 30 лет, работник сферы IT).

Сторонники Антимайдана также высказывали опасения по поводу возможного начала военных действий. Поскольку Одесса и Харьков всегда являлись русскоязычными городами, активисты Антимайдана ожидали, что Киев развернет в их городах войну так же, как он сделал это на востоке Украины:

«После всего, что происходит сейчас в Донецке и Луганске... даже в нашем движении есть такое настроение — люди просто боятся, что это будет происходить у нас» (Одесса, Антимайдан, женщина, 43 года, высшее образование, предприниматель).

Наконец, еще одна эмоция, которую испытывали участники Антимайдана — это агрессия по отношению к активистам Майдана и новому украинскому правительству. Она росла со временем, подпитываясь тем, как освещали «победу Майдана» российские СМИ. Описывая трансформацию своего отношения к Майдану в течение зимы-весны-лета 2014, один из наших информантов сказал:

«Нет, ничего не поменялось. Разве что больше агрессии добавилось в свете этого [конфликта], и все» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 23 года, неоконченное высшее образование, торговец компьютерами на рынке).

По мере радикализации противостояния, агрессивное отношение к Майдану превращалось для большинства наших информантов в ненависть и отвращение. Более того, вся украинская культура и государственные символы для сторонников Антимайдана начинали ассоциироваться с Майданом:

«Я не поддерживаю Украину, а на данный момент у меня идет даже к ней отвращение: ко всему вот этому украинскому, что на самом деле есть. Под вот этими флагами Украины (...) убивали, сжигали людей в Одессе, расстреливали людей в Мариуполе» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 23 года, неоконченное высшее образование, торговец компьютерами на рынке);

«Флаг — то же самое, многие вообще стали ненавидеть этот флаг, потому что под этим флагом... тех же самых людей в Одессе сожгли» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 36 лет, среднее специальное образование, рабочий).

В конечном счете эта эмоция оказалась настолько сильной, что привела к трансформации национальной идентичности участников Антимайдана: к лету многие из тех, кто еще зимой 2014 года считали себя украинцами, переставали чувствовать себя гражданами своей страны:

«Вот живешь ты у себя в стране, да, тут раз, проснулся, и ты уже понимаешь, что страна не твоя, она какая-то чужая, кто-то пришел чужой, ну, грубо говоря, спишь ты у себя в кровати, просыпаешься, а у тебя дома чужие люди ходят и не понятно, что там командуют у тебя. Ну вот такое впечатление, бац, и проснулся в какой-то не своей стране, ну вот даже к украинской символике какое-то отвращение появляется, ну ее так пиарят, на крови, грубо говоря, отвращение» (Харьков, Антимайдан, мужчина, около 26 лет, высшее образование, курьер).

Итак, в карте эмоций обоих движений присутствовал общий элемент — это ощущение единства и empowerment. Однако после войны на Востоке, а также ряда трагических событий, в частности, пожара в Доме профсоюзов в Одессе, Антимайдан постепенно становился движением проигравших, что, в свою очередь, порождало ненависть к украинской культуре и государству, государственным символам, Украине как стране. Рост неприязни к Майдану и его последствиям вылился в ненависть к Украине в целом — государству, которое до последнего времени участники Антимайдана считали родным. Этот

процесс красноречиво показывает, что путь к разрешению этого конфликта и воссозданию консенсуса между разными регионами лежит не только через мирные переговоры, но и через пересмотр того, что такое «Украина», и наполнение этого слова новым содержанием, которое бы позволило чувствовать себя украинцами как жителям западных, так и восточных регионов.

«Украинцы», «русские» и «европейцы» в коллективной идентичности Анти-майдана

Для самоопределения участников Антимайдана, как и для их противников со стороны Майдана, вопросы, связанные с национальностью и государством, были и остаются крайне важными. Как мы могли убедиться выше, активисты Майдана выстраивали свою идентичность, опираясь на сходства и различия между Украиной и Россией, с одной стороны, и Украиной и Европой — с другой. Но если участники Майдана стремились подчеркнуть отличия Украины от России и сходства с Европой, то активисты Антимайдана, напротив, отказывались видеть разницу между Россией и Украиной и противопоставляли обе эти страны Европе и США.

В отличие от сторонников Майдана, их оппоненты говорили в первую очередь не о различиях, а о единстве двух народов — России и Украины:

«Украинцы (...) — это те же самые славяне, те же самые русские, просто которые забыли о том, что они идентичные, в первую очередь, что они русские. (...) Разницы между русскими и украинцами в принципе нету, только (...) русские говорят на чистом русском языке, а украинцы еще и на украинском» (Одесса, женщина, 39 лет, высшее образование).

В подтверждение идеи о коренном сходстве русских и украинцев другой информант рассказывал:

«Я вот слышал: в России, особенно в Подмосковье, не любят украинцев, тебя побьют, там, все дела. (...) Пошли, там, на дискотеку с братом, я целенаправленно стал говорить по-украински, меня спросили: «Ты что, с Кубани?» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 36 лет, среднее специальное образование, рабочий).

Активисты Антимайдана видели и различия между русскими и украинцами — в том, что касается политического режима и экономического благосостояния двух стран. Так, по сравнению с Украиной, Россия представлялась им процветающим государством:

«И россияне, которые приезжают сейчас из России и рассказывают, что, вот, живет только Москва, только Петербург, а ты не знаешь, как у нас в России плохо. Ну, знаешь, опять, опять же сужу по тому же туристическому, допустим, бизнесу. Ну, если в России так плохо, если там безработица, нет денег, ну почему все курорты забиты россиянами? Ну, объясните? Если у людей нет работы, у них все плохо, они не ездят отдыхать» (Одесса, Антимайдан, женщина, 43 года, высшее образование, предприниматель).

По мнению многих сторонников Антимайдана, Россия обязана экономическим процветанием непосредственно своему президенту:

«Экономическую стабильность, я думаю, все-таки [Путин] обеспечивает, а не так, как у нас. Прожить на пенсию в 1200 гривен, коммунальные услуги 500» (Одесса, Антимайдан, женщина, 43 года, высшее образование, предприниматель).

Кроме того, Россия воспринималась как страна со стабильным политическим режимом, где, в отличие от Украины, попытки «государственных переворотов» пресекаются на корню. Вот что один из наших информантов говорил о протестах 2011-2012 годов:

«Я к ним [участникам протестов «За честные выборы!» — прим. авторов] отношусь плохо и поддерживаю действия тогдашней российской власти, что они побили там несколько человек. Да, кто-то там пошел в синяках, побили этих болотников, но, таким образом, они спасли Россию от того, что происходит в Украине, вот сейчас. Просто это вовремя разогнали» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 36 лет, среднее специальное образование, рабочий).

Активисты Антимайдана поддерживали либеральные ценности свободы слова, прав человека и сменяемости власти, но готовы были пожертвовать ими ради «стабильности»:

«Есть у вас протесты, но сразу все тихо — был протест, нет протеста. С одной стороны, это правильно, с другой — да, конечно, у нас свобода слова, но я готов этим пожертвовать, чтобы было все тихо-спокойно» (Харьков, Антимайдан, мужчина, около 26 лет, высшее образование, курьер).

Сторонники Антимайдана, в отличие от сторонников Майдана, не только рассматривали Россию как идеал, к которому стоит стремиться, но и придавали совершенно иной смысл советской истории и наследию. Во-первых, именно в них они видели истоки

единства русского и украинского народов, разница между которыми воспринималась ими как искусственно навязанная:

«Все мы когда-то были одним великим государством. (...) Т.е. многие люди, которые на тот момент, вот взять по территории, жили в России, на данный момент живут точно так же на Украине. Ну, кто по работе уехал, кого направили, там, по службе и так далее, и тому подобное. Все мы один народ были, но нас разъединили» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 23 года, неоконченное высшее образование, торговец компьютерами на рынке).

Во-вторых, Советский союз рассматривался ими не как причина отсталости («советский менталитет»), а, напротив, как образец того, каким образом должно быть устроено общество. С одной стороны, в СССР не могло случиться того, что происходит в Украине сейчас:

«В Советском союзе все народы жили дружно и в мире, и никто ни на кого не скалился и никого не толкал, а наоборот, помогали друг другу. Всем, Советский Союз всем на свете помогал» (Харьков, Антимайдан, женщина, 52 года, высшее педагогическое образование, бывший работник завода, безработная).

А с другой, СССР представлялся воплощением стабильности, благосостояния, социальной справедливости и отсутствия коррупции — в отличие от постсоветской Украины. Если активистов Майдана манила своим благосостоянием Европа, то их оппоненты стремились увидеть то же самое в России и Советском Союзе:

«Я коммунизм мало помню, но люди жили нормально. Когда ты чем-то жертвуешь, ты что-то получаешь взамен. То есть, какая-то стабильность есть, а не то, что у нас — доллар был восемь, а сейчас — двенадцать [гривен]» (Харьков, Антимайдан, мужчина, около 26 лет, высшее образование, курьер);

«Уже все взрослые дочери у меня, внуки у меня есть, они все знают, что в Советском Союзе мы жили очень хорошо. Нам хватало на еду, за больницы мы не платили, операцию нам делали бесплатно, рожали детей мы тоже бесплатно. Самое большое — букет цветов и коробка конфет была отблагодарить доктора, и все, и доктор не заглядывал нам в карман и не тянул нас... чтобы давай, плати деньги» (Харьков, Антимайдан, женщина, 52 года, высшее педагогическое образование, бывший работник завода, безработная).

В отличие от сторонников Майдана, которые, независимо от их отношения к подписанию Соглашения об ассоциации, описывали Европу как позитивный идеал общества, мнения сторонников Антимайдана разделились и в целом были более нюансированными. Европа не воспринималась ими как что-то цельное и однородное:

«Там в Европе тоже общество неоднородное, давайте так скажем. Есть именно образованные люди и понимающие люди, а есть та серая масса, которая учиться не хотела, они как биомасса, покушать, потанцевать, вот. Не сильно заморачиваться на счет учебы, просвещения» (Харьков, Антимайдан, женщина, 52 года, высшее педагогическое образование, бывший работник завода, безработная).

Информанты, настроенные позитивно по отношению к Европе, отмечали высокий уровень культурного развития европейцев и наличие социального доверия в обществе:

«Если у нас будешь идти, тебе, там, хреново, грубо говоря, ты напился где-то, тебя, ну, как у нас, молодежь идет, они тебя еще могут и избить, и отобрать у тебя вещи, разуть и раздеть тебя. В свое время в Европе я наблюдал такую ситуацию, когда человек остановился и забрал человека и понес его, скорее всего, куда-то домой. Там люди более переживают» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 23 года, неоконченное высшее образование, торговец компьютерами на рынке).

Те же, кто относились к Европе скорее негативно, говорили о своем неприятии либеральных ценностей и массовой культуры, с которыми у них ассоциировалось европейское общество:

«Мы знаем и там какие мнения, и там. Даже мыслящие люди есть и там, и там. И там людям не нравятся вот эти гей-парады, что это такое? А Евровидение, что это? Вот это ценности наши? (...) Там извращенные ценности, а у нас пока еще нормальные ценности, вот и вся разница» (Харьков, Антимайдан, женщина, 52 года, высшее педагогическое образование, бывший работник завода, безработная).

Участники Антимайдана в целом воспринимали идею подписания Соглашения об ассоциации и возможный курс на Евроинтеграцию с неприятием. С их точки зрения, Украина потеряет от подписания Соглашения как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе:

«Вся эта ассоциация с Евросоюзом — это фарс чистой воды. Никакого там не будет ни вступления в Евросоюз, ни членства. Потому что наши экономические показатели, извини меня, они, мягко говоря, не дотягивают. (...) Опять же, ассоциация с ЕС, десять лет, кажется, на рассмотрение вопроса о возможном членстве. Это о возможном

членстве. То есть, мы сейчас входим на 10 лет в кабалу всех этих санкций от Евросоюза, МВФ опять же — для чего?» (Харьков, Антимайдан, 30 лет, фрилансер в сфере IT).

Защищая эту позицию, информанты приводили негативные примеры других «слабых» стран, для которых попытка интеграции обернулась еще большим ослаблением экономики:

«Нет, не поддерживал никогда [подписание Соглашения об ассоциации с ЕС], так как... Ну, вот что произошло, то же самое с Сирией. США их много раз бомбило, обстреливало и пятое-десятое. Сейчас это рынок сбыта третьесортного товара с Евросоюза. Для себя они делают, грубо говоря, конфетку, а нам, ну, а им поставляют одни отбросы. Они разрушили их экономику, разрушили их все предприятия, чтобы они своего ничего не выпускали, чтобы они пользовались только их товаром. (...) Им просто нужен очередной рынок сбыта, точно так же, как вот сейчас происходит в Украине» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 23 года, неоконченное высшее образование, торговец компьютерами на рынке).

Таким образом, для участников обоих движений вопрос о национальности и истории является важным, но отвечают на него они диаметрально противоположным образом. Для сторонников Майдана украинцы — это особая нация, кардинально отличающаяся от русских, для сторонников Антимайдана русские и украинцы — один народ; первые стремятся отмежеваться от советского прошлого, опасаясь, что Россия сможет воскресить его, вторые, напротив, считают СССР образцом общественного устройства; одни видят в Европе пример того, к чему нужно стремиться, другие — то, чего нужно опасаться. Однако, как и российские «белоленточники», активисты Майдана и Антимайдана так и не смогли предложить протестному движению и всему обществу внятный набор требований и политическую программу. Место этой программы занимали метафоры: Европы в одном случае, России и Советского Союза — в другом.

Будущее Украины глазами участников Антимайдана

Активисты Майдана в целом оптимистично оценивали будущее своей страны после победы протестного движения. Размышляя о худшем и лучшем сценариях развития событий, они с большей охотой и энтузиазмом говорили позитивном будущем. Этот сценарий включал в себя восстановление целостности страны, интеграцию в Евросоюз, победу над коррупцией и экономический рост.

Участники Антимайдана представляли свое будущее и будущее своей страны диаметрально противоположным образом. Они с легкостью описывали пессимистичные сценарии развития событий, однако просьба описать оптимистичный сценарий вызывала у них затруднения.

«Если о худшем сценарии, то Украина уже, Украины уже нет, ну а так как Украины уже нет, то лучших сценариев пока не вижу» (Одесса, Антимайдан, женщина, 29 лет, высшее образование);

«Будущее Украины я уже не вижу. Я вижу только вот будущее Новороссии, а Украины...» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 23 года, незаконченное высшее образование, торговец компьютерами на рынке).

Чаще всего сторонники Антимайдана из Харькова и Одессы говорили о потере ими собственной страны, или (в случае с Одессой) - собственного города, подразумевая под этим распад и исчезновение Украины как суверенного государства. Отсюда – их готовность уехать из страны, спасаясь от репрессий нового режима:

«Хороших прогнозов мало, так скажу, а представить, что ждет, ну не знаю, увидим, что ждет. Хотелось бы побыстрее это все увидеть, чтоб быстрее это все закончилось, ну просто, то есть, понимаете, грубо говоря, жизнь на чемоданах, вы не знаете, придут бомбить тебя, будут завтра, не будут» (Одесса, Антимайдан, мужчина, около 26 лет, высшее образование, курьер);

«Худший, мне, конечно, не хотелось бы с Донбассом если бы так произошло, Донбасс сдастся, и нам придется всем покинуть Украину. (...) Даже тем, кто сегодня активно принимает участие в Антимайдане здесь, я думаю, что нам придется покинуть Одессу. Почему – потому что они нас просто уничтожат. Ну, я – уроженка Крыма, придется

просто ехать просить какое-то убежище, статус какой-то, именно в Крым» (Одесса, Антимайдан, женщина, 33 года, высшее образование, бизнесмен);

«Ну, я как бы собираюсь все-таки переехать в Россию, увезти как бы своих родных туда, где будет им поприятнее жить. То, что у нас в Украине уже ничего хорошего не будет. А здесь мы не будем жить, здесь мы будем просто выживать. Я хочу хотя бы как-то обустроить семью, чтобы до конца своих дней они хоть пожили нормально. А не так, как сейчас живут» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 23 года, незаконченное высшее образование, торговец компьютерами на рынке).

Реализация худшего сценария для участников Антимайдана была напрямую связана с поражением «восстания на Донбассе». Именно окончательный разгром ополченцев, по мнению большинства наших информантов, должен развязать руки режиму Порошенко, что, в свою очередь, приведет к масштабному преследованию всех несогласных.

Кроме того, в описании худшего для Украины сценария развития событий часто упоминались надвигающиеся социальный и экономический кризисы, вызванные Майданом. Эти кризисы, по мнению сторонников Антимайдана, будут характеризоваться перебоями в снабжении электроэнергией и газом из-за ухудшения отношений с Россией. Грядущая ассоциация с ЕС также вызвала скептическую реакцию наших информантов, поскольку Украина, по их мнению, еще не готова к такому союзу:

«Прогноз на эту зиму: готовим буржуйки. Потому что уже наше правительство, (...) я вот не знаю, приняло, или нет, но они уже хотят, как они сказали, запровадити надзвичайний стан в енергетиці [ввести чрезвычайное положение в энергетике – прим. авторов]. Опять же, они будут экономить газ. Экономить газ, (...) но это будет экономия через людей» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 26 лет, среднее специальное образование, рабочий).

Оптимистичный вариант развития украинских событий сторонники Антимайдана связывали не с Украиной в ее существующем виде, а с созданием нового государства – Новороссии, тесно связанного с Россией и Таможенным Союзом. При этом симпатизанты Антимайдана, в отличие от активистов Майдана, не настаивали на целостности существующих украинских границ. Их Новороссия должна была включить в себя только восточные и южные регионы с большинством русскоязычного населения:

«Ну, а лучший [сценарий] (...) - ну, минимум, казаки должны напоить коней в Днепре, понимаете. А дальше туда не хочется даже лезть. Почему – потому что там змеи... Я не

спору – есть там и в Киеве хорошие люди. Но их там 10 процентов, понимаете. А брать штурмом Киев или Ивано-Франковск и терять, гибнуть, чтоб гибли наши патриоты - легче уничтожить всех до последнего, поставить заборы какие-то, поставить как Китайскую стену, перекрыть Донбасс, и пусть они курят. Кто не скачет – тот москаль» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 52 года, среднее образование, бизнесмен).

При общем пессимистическом взгляде на происходящее можно заметить существенные различия в прогнозах активистов из Одессы и Харькова. Одесские сторонники Антимайдана чаще говорили о страхе за свое будущее, были склонны в большей степени дегуманизировать противников, чаще упоминали возможность физической расправы над ними, реже описывали оптимистичные сценарии развития событий. Они подчеркивали необходимость бескровного включения Одессы в состав Новороссии после победы ополченцев на Востоке. Активисты из Харькова были настроены более оптимистично и воинственно. Впрочем, эти различия не удивительны: летом 2014 года Антимайдан в Одессе был полностью деморализован событиями 2 мая, в то время как в Харькове активистам удалось избежать масштабных проявлений насилия, и между движениями был сохранен определенный баланс.

Таким образом, участники Антимайдана представляли современную Украину разрушенной и разделенной как минимум на две части в результате агрессивной политики Майдана и «новой власти», и не верили в то, что страна когда-нибудь сможет объединиться вновь. Они чувствовали себя исключенными из нового, пост-майданного единства нации. Их готовность стать частью «русского мира» была своеобразным ответом на это ощущение исключения.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ. ОБЩЕСТВЕННАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В КРЫМУ

Хронология событий

В конце февраля 2014 г., после падения режима Януковича в Киеве, из Крыма начали поступать первые сообщения о «народных волнениях». Через некоторое время начались захваты правительственных зданий вооруженными людьми; в крупных городах (Севастополе, Симферополе, Керчи и т.п.) собрались стихийные митинги против «фашистской» и «нелегитимной» украинской власти; сменилось несколько фигур на ключевых управленческих постах якобы с помощью народного назначения (в частности, председатель правительства АР Крым или мэр Севастополя); на улицах Керчи и Севастополя стали появляться люди в военной форме без опознавательных знаков, в которых жители городов распознавали российских военных и, по сообщениям большинства СМИ, горячо приветствовали их. 16 марта 2014 года состоялся референдум (легитимность которого до сих пор остается под вопросом) о включении АР Крым в состав Российской Федерации, в результате которого, по данным комиссии крымского парламента по организации голосования, 96,77% граждан проголосовали «за»⁹. Через 4 дня, 21 марта 2014 года, республика Крым и Севастополь были включены в состав Российской Федерации в качестве двух новых субъектов. Украина не признала итогов референдума, посчитав его проведение антиконституционным, и до сих пор рассматривает Крым в качестве оккупированной территории. Страны-члены «Большой семерки» и Совета Европы также не признали итогов

⁹ Окончательные итоги крымского референдума: 96,77% за воссоединение с Россией // Вести, 17 марта 2014. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1384609&tid=106314>

голосования. В марте 2014 года Генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию о незаконности референдума в Крыму. Даже после референдума в крупных городах Крыма, в частности, в Севастополе и Керчи, граждане продолжали собираться на массовые митинги: в поддержку юго-восточных регионов Украины, но одновременно — против коррупции (Севастополь, Керчь) и за отставку действующего мэра (Керчь). Данный раздел опирается на глубинные интервью с участниками этих митингов в Керчи и Севастополе.

Механизмы мобилизации

Триггерами протестов и самоорганизации в Керчи стали слухи о т.н. «поездах дружбы», которые якобы должны быть направлены в Крым из Киева и западной Украины. В основном эти слухи циркулировали среди молодежи и распространялись стихийно. Бывшие одноклассники, дворовые приятели, посетители одних и тех же спортивных клубов созванивались между собой и договаривались о совместных действиях в случае возможной опасности — так появилась городская Самооборона. Что бы ни говорили противники аннексии Крыма, местная Самооборона по своей форме и способу организации (низовая самоорганизация) была похожа на Самооборону Майдана в Киеве и других городах Украины:

«... многие люди кучковались человек по 30, допустим, были такие группы. И которые потом в последствии... Вот, допустим, как у нас — 30 человек собралось тогда в районе, сводная рота называлась такая штука» (Керчь, мужчина, 24 года, неоконченное высшее образование, моторист-электрогазосварщик на кораблях).

«Отряды Самообороны в основном формировались на базе страйкбольных наших команд. Потому что движение очень в городе развито. И на базе команд, т.е. активные люди, начали формироваться какие-то отряды. (...) Была целая сеть информаторов на заправках, по различным городам... Была сеть информаторов, была налажена связь с милицией» (Керчь, мужчина, 28 лет, неоконченное высшее образование, фрилансер в области журналистики, рекламы и пр.).

Чувство опасности, грозящей родному городу, стало той эмоцией, которая заставляла людей покидать свои дома, создавать группы быстрого реагирования, организовывать ночные патрули. После свержения киевской власти представители местной коммунистической партии и ее молодежной части, а также члены городского отделения «Русского единства» стали организаторами пророссийских митингов. В этот момент у

самоорганизованных и мало связанных между собой районных групп Самообороны появился координатор — «направленный» из Симферополя помощник С. Аксенова. Самооборона продолжала патрулировать город, помимо этого ее участники охраняли порядок на митингах и на референдуме. Свою миссию участники Самообороны видели, прежде всего, в охране порядка на митингах, вне зависимости от симпатий к той или другой стороне, что указывает на консервативный характер мобилизации:

«Он [представитель “Русского единства” — прим. авторов] спровоцировал людей идти к горисполкому, сорвать флаг Украины и вешать российский флаг. Все его поддержали, все пошли, ну, нам деваться некуда — мы тоже пошли. Вышел народный мэр, кто-то попытался сорвать флаг, мэр кинулся на амбразуру, не давал срывать флаг, мы быстренько все это дело оцепили, чтобы не было никаких заварушек, чтобы не дай бог никто мэра не нахлопал, просто-напросто сделали коридор, чтобы он спокойно себе зашел в горисполком. В горисполкоме дежурил отряд так называемой городской сформированной Самооборны «Скорпион». Это ребята, которые в принципе на всех митингах, они просто сидели внутри горисполкома и защищали горисполком если вдруг что-то начнется» (Керчь, мужчина, 28 лет, неоконченное высшее образование, фрилансер в области журналистики, рекламы и пр.).

Активисты также считали своей задачей охрану порядка в городе и на референдуме:

«Мы просто были теми людьми, которые пытались помочь милиции блюсти порядок, потому что “Беркута” в городе не было. Вообще» (Керчь, мужчина, 28 лет, незаконченное высшее образование, фрилансер в сфере рекламы и журналистики);

«...распределили нас по точкам, на каждой точке нас стояло 3-4 человека, с бейджиками, чтобы люди видели-понимали. И где-то на 2-3-4, в зависимости от размеров избирательных участков, были еще отряды быстрого реагирования. Т.е. я в частности являлся командиром такого отряда, у меня было две машины по 5 человек, на которых мы курсировали между пятью вот такими вот избирательными участниками... Если, допустим, ребята разные, отойти куда-то надо, еще что-то, там, или народу много образовалось, мы подъезжали и просто помогали соблюдать порядок. Дежурили мы, мы заступили 15 [марта] в 6 вечера, и ушли оттуда, соответственно, 16 [марта] после того уже... В 8 закрылся избирательный участок, где-то к 10 часам полностью были подсчитаны бюллетени, и мы ушли» (Керчь,

мужчина, 28 лет, незаконченное высшее образование, фрилансер в сфере рекламы и журналистики).

В Севастополе события развивались похожим образом. Взволнованные событиями в Киеве и поступающими сведениями о гибели бойцов «Беркута», в том числе, крымского, жители города собрались на митинг, организованный 23 февраля местным отделением Коммунистической партии Украины (КПУ). Одновременно наиболее активные севастопольцы организовывали отряды городской Самообороны, особая задача которой, помимо патрулирования улиц и защиты порядка, состояла в охране блок-постов на въездах и выездах из города:

«Ну, в итоге, вместе с милицией, город организовался и выставил по кругу блок-посты. То есть, город занял... ошетинился, занял круговую оборону...» (Севастополь, мужчина, 25 лет, высшее образование, фрилансер).

Многие жители Севастополя, даже не являясь частью Самообороны, принимали участие в защите блокпостов или охране воинских частей:

«У меня все знакомые были на блок-постах, я участвовала в блокировании блок-частей [украинской армии], во всем нашем районе, что блокировалось. У нас вот тут рядом ВВС, воинская часть была, вот чтобы мальчиков милиционеров на митинги не вывозили — утром перед митингом или ночью мы стояли, именно жители окружали воинскую часть, чтобы их не вывезли» (Севастополь, женщина, 30 лет, незаконченное высшее, художник-фрилансер).

Важное отличие пророссийского движения в Севастополе от керченского заключается в наличии у участников первого «народного» лидера — Алексея Чалого, временного и «избранного народом» мэра города:

«Объединял людей Чалый в тот момент. (...) То есть, я считаю, как бы, что идея идеей, но человек, который двигал эту идею и который взялся за идею, начал ее реализовывать... Именно все, именно, вокруг него организовались... и работали вместе с ним» (Севастополь, мужчина, 25 лет, высшее образование, фрилансер).

Еще одним отличием Севастополя от Керчи является продолжительность существования городской Самообороны — на момент июля 2014 года у Севастопольской Самообороны был свой Штаб, в котором ее члены регулярно принимали жителей города, обращающихся к ним со своими проблемами.

Тем не менее, как жители Керчи, так и жители Севастополя, не являющиеся членами каких-либо организаций и настроенные пророссийски, участвовали в событиях двумя способами: они либо становились членами городской Самообороны, либо регулярно посещали пророссийские митинги в качестве зрителей и сторонников. Наши интервью охватывают как первых, так и вторых.

Риторика движения: как активисты объясняли свое участие в протесте?

Повестка пророссийского движения в Крыму, за исключением нескольких митингов в Керчи, о которых еще пойдет речь ниже, сводилась к требованию самоопределения региона, которое автоматически означало присоединение его к России. Тем не менее, если мы хотим что-то понять про это движение, нам нужно заглянуть глубже — не просто описать его требования, но объяснить, почему для крымчан (в прошлом — совершенно аполитичных) вдруг стало важно приходить на митинги и вступать в отряды Самообороны. Кроме того, важно понимать, что пророссийские выступления в Крыму, как мы убедимся ниже, — это консервативное движение, которое при этом (как и большинство консервативных движений) использует традиционную для протестных движений форму коллективного действия — митинг, акция протеста. Таким образом, активистам, которые являлись сторонниками сохранения статус-кво, необходимо было оправдывать свое участие в *протестных акциях*, которые в общественном сознании связаны, прежде всего, с подрывом существующего порядка. В данном разделе мы проанализируем аргументы, к которым прибегали участники пророссийских выступлений в Крыму для того, чтобы объяснить и оправдать свое участие в протесте.

Во-первых, с их точки зрения, необходимость активного коллективного действия была вызвана необходимостью защищать родной город, дом, семью от грозящей им извне опасности:

«Я очень сильно боялась, что приедут сюда [сторонники Майдана], и вот приехали. Я в тот момент находилась в Харькове, и я видела видео, как наш народ керченский, он просто согнал всех. (...) Но на самом деле я была гордая за свой город, что они дали отпор. После Керчи дал сразу отпор Севастополь» (Керчь, женщина, 25 лет, высшее образование, парикмахер-стилист);

«Мы никуда бы не пошли. Это к нам бы пришли люди, которые насаждали бы свою... свой образ жизни, свой язык. (...) Мы не против украинцев, мы против того, чтобы

они за нас принимали решения. Мы сами люди, которые сами хотят принимать свои решения. Почему Киев решает, что он знает, что нам лучше. На каком языке нам говорить, как учить детей, какие ценности им преподавать. И мы бы защищали свой город. Да, и даже с оружием» (Севастополь, женщина, 33 года, высшее образование, работник лаборатории на молочном комбинате).

Крымские активисты часто подчеркивали свою городскую идентичность (например, мы — керчане, это наш город, наша земля), встраивая ее в исторический нарратив — наши деды защищали эту землю от фашизма, и мы не забудем и не предадим их подвиг:

«У нас, конечно, среди друзей, среди молодежи, были попытки организовать свои движения, потому что не дай бог кто-то начнет на город, то мы уже идем на защиту города, потому что, в принципе, если бы мы позволили сюда прийти бандеровцам, мы не сможем жить под этим гнетом и детям нашим тем более тут делать нечего. И тем более город-герой, отдать землю святую, на которой деды наши против фашистов воевали, фашистам в лапы — тоже нехорошо» (Керчь, женщина, 24 года, высшее образование, учитель украинского языка и литературы);

«Одна из подоплек, почему я так сильно ратую против фашизма, потому что очень много в украинской власти, в «Правом секторе», этой... зиги, свастика. Ну... Бандеров. У нас фамилия, не знаю, Бандеры его там, Шухевича, их действий... Ну, мне перед дедом стыдно, если всех нас бы захватили, и тут бы мимо него, мимо его дома шли бы фашисты? Как? Мне перед дедом стыдно будет» (Севастополь, женщина, 33 года, высшее образование, работает лаборатории на молочном комбинате).

В свою очередь, убежденность в том, что любая революция является, по сути, упадком и движением назад, придавала большую легитимность ответным действиям пророссийских активистов:

«Майдан начинается в Киеве... Каковы действия наши, наших граждан это первая, первая реакция — это просто возмущение — люди возмущены. (...) Они просто выражали негодование, им не нравится, когда кто-то препятствует работе экономики страны, когда все люди понимают, что любая революция в принципе, любые волнения, всегда отражаются на геополитическом и экономическом положении страны. То есть чем больше революций, тем больше она теряет» (Керчь, мужчина, 25 лет, студент).

Две из описанных выше риторик — защитную и историческую — мы наблюдали также в случае движения Антимайдан в Харькове и Одессе. В этом смысле оба этих движения —

консервативные движения с риторикой защиты статус-кво, сохранения порядка, которому угрожает внешняя враждебная сила. Однако в Крыму исторический аргумент встраивался в защитную риторику: крымчане не считали себя украинцами и не хотели «спасать» Украину от «фашизма», они защищались от (потенциальной) атаки извне.

Поэтому вторая часть аргументов, которые использовали участники крымских пророссийских протестов для того, чтобы сделать свои выступления легитимными, была сосредоточена вокруг обоснования необходимости присоединения Крыма к России. С одной стороны, эта необходимость обосновывалась через отсылки к истории. Крым подарили Украине, не спросив мнения его жителей, поэтому современные события, с точки зрения пророссийских активистов, — это «восстановлении исторической справедливости»:

«В основном они [митинги — прим. авторов] были за восстановление справедливости и за воссоединение с Россией» (Севастополь, женщина, 30 лет, неоконченное высшее, художник-фрилансер).

За 20 с небольшим лет существования Крыма в составе независимой Украины у крымчан, по мнению пророссийских активистов, не могла сформироваться украинская идентичность, они продолжали считать себя русскими:

«Я родилась в Севастополе, у меня дочка родилась в Севастополе. Мы не променяли Родину с Украины на Россию, мы всегда за эти 23 года ждали, когда придет Россия. (...) Еще раз повторю: мы все эти 23 года ждали, когда Россия нас заберет. Ничего не поменялось. Я горжусь своей Родиной, моя Родина — Россия» (Севастополь, женщина, 33 года, высшее образование, работает лаборатории на молочном комбинате в лаборатории).

С другой стороны, необходимость присоединения к России оправдывалась активистами тем, что Украина «плохо обращалась» с регионом и не развивала его — именно поэтому нежелание жить в составе этой страны казалось оправданным и закономерным:

«Вот 23 года мы были Украиной, все эти 23 года все население Крыма, ну, большинство, скажем так, все считали себя русскими. Все были недовольны тем, что после развала СССР Крым отошел Украине. В этом люди были едины. (...) Люди работают на олигархов. Грубо говоря, от центральной Украины все деньги уходят туда. Крым за курортный сезон приносит Украине примерно то количество денег, которое в течение всего года Украина выделяет на Крым. Ходя по нашим улицам, Вы видите, что за 23 года ничего не изменилось. За 23 года ничего государство для Крыма не сделало.

При этом Крым должен был делать государству очень много. Как сейчас они кричат: Ах, да Крым мы отдали, потому что это вообще дотационный регион, мы их тут всех содержим. Нет, никогда так не было. За курортный сезон Крым отбивал все деньги, вложенные Украиной в Крым. А еще остается 9 месяцев — у нас же тоже производство есть и все» (Керчь, женщина, 24 года, высшее образование, учитель украинского языка и литературы).

Итак, активисты консервативного пророссийского протеста в Крыму использовали два типа аргументов для того, чтобы объяснить и оправдать свое участие в *протестной* кампании. Во-первых, как и участники Антимайдана в континентальной Украине, они употребляли защитную и историческую риторику, объясняя «объективную необходимость» сопротивления. Во-вторых, они апеллировали к необходимости присоединения Крыма к России как акту восстановления исторической справедливости и тому, что будет способствовать развитию их региона.

Эмоции в крымском движении

Первое, на что указывали в интервью большинство наших крымских информантов — это ощущение единства с незнакомыми им согражданами, чувство общности, вселяющее силу и надежду:

«Т.е. мне нравилось единство. Я просто в восторге был таком диком, когда после референдума в тот же день вечером... объявили предварительные результаты, я не знаю, как они их считали, экзит-поллов не было вообще, объявили предварительные результаты: явка — 95%, флаги кругом, все кричат «Россия, Россия» — праздник просто!» (Керчь, мужчина, 28 лет, неоконченное высшее образование, фрилансер в сфере журналистики, рекламы и пр.).

Другая и также часто встречающаяся в интервью эмоция — *empowerment*, ощущение собственной власти, способности что-то изменить с помощью коллективного действия:

«Тогда погнали «ударовцев» [представителей партии «Удар» — прим. авторов] с такой мощью, такая гордость за город взяла, я пожалела, что я не пошла на этот митинг, потому что это такая мощь. Мы увидели, что люди встали, люди против, люди за Россию. И как они их встретили...» (Керчь, женщина, 24 года, высшее образование, учитель украинского языка и литературы);

Крымчане были горды не только собой и своими соотечественниками, но и «великой страной», воссоединению с которой они способствовали своими действиями. Как отметил один из информантов, «Это гордость, как бы... это сейчас только осознание приходит, что мы, вот, великая одна страна» (Севастополь, мужчина, 25 лет, высшее образование, фрилансер). То есть, опыт участия в протесте во многом подкрепил и усилил их национальную идентичность: они осознали себя не просто «русскими» (в противоположность «украинцам»), а россиянами. Эмоция, которая, пожалуй, является специфической для митингов в Крыму — это ощущение радости и счастья, которое превращали митинги в праздник:

«Вот это был день [после референдума — прим. авторов], вся площадь плакала, рядом со мной тоже стояли очень много людей, я смотрел, что люди просто рыдали, они рыдали, они были счастливы, и многие кричали, что «наконец-то», и «ура», «давно вот...». Вот. И в действительности я тоже тогда растрогался, и у меня были слезы, потому что... этот момент, ну, это что-то невероятное произошло» (Севастополь, мужчина, 25 лет, высшее образование, фрилансер).

Социальные проблемы в пророссийском движении: случай Керчи

Пророссийские лозунги, доминирующие во время первых митингов в Крыму, дополнились после референдума лозунгами социального характера: жители Севастополя заговорили о коррупции в городе, а жители Керчи вышли на улицы с требованиями сместить с поста мэра, социальной политике которого они выражали решительное недоверие.

Действующий на момент сбора интервью мэр Керчи¹⁰, Олег Осадчий, находился у власти в течение 17 лет. За этот период у подавляющего большинства жителей города сформировалось устойчивое неприятие его политики. Все наши информанты во время интервью активно критиковали действия главы города, который, по их словам, приватизировал большинство городских предприятий (принадлежащие теперь его родственникам), отмывал через них средства из городского бюджета и не предпринимал никаких усилий для решения городских коммунальных проблем. Казалось бы, общественный подъем просто не мог не привести к выражению этих проблем во время

¹⁰ Мэр города покинул свой пост спустя несколько дней после окончания наших полевых работ в Керчи. Подробнее см., например: Глава Госсовета Крыма сообщил об отставке мэров Керчи и Евпатории // Лента.ру, 21 июня 2014 года. URL: <http://lenta.ru/news/2014/06/21/crimea/>

городских митингов — тем более именно такую картину мы могли наблюдать со стороны, глядя на лозунги, написанные на плакатах протестующих. Однако наши интервью показали, что все было иначе: лозунги против мэра появились как *непосредственная реакция* на его первоначальный отказ поддержать пророссийское движение. Протестующие были готовы простить Осадчему все прошлые «грехи» и поднять его имя на свои знамена, если бы он с первых дней занял их сторону. Например, в следующем отрывке из интервью молодой человек *сначала* сожалеет о том, что мэр принял «неверную» сторону в борьбе между украинской и российской властью, и говорит, что, сделай тот «верный» выбор, ему бы простили «прежние грешки». Только *в самом конце* он указывает на то, что долгие годы вызывало недовольство граждан:

«... когда мы пришли 22 февраля к Олегу Владимировичу [мэр города — прим. авторов], Олег Владимирович сказал нам, что «извините, моя власть — это власть киевская». То есть, если взять тот же самый Севастополь, который просто однозначно моментально занял такую, четкую позицию, то наша власть... Ну вот как-то так. Ну, мы еще не знаем, смотря с какой стороны ветер подует. Ждали до последнего. Поэтому... Народ и так его не любил, не то, что недолюбливал, его ненавидят просто все, но в данной ситуации он проявил себя вообще не с той стороны. Если бы он, как тот же Чалый в Севастополе, повел людей за собой по тому курсу, по которому мы все равно пошли, если бы он это сделал, возможно ему бы даже старые грешки простили. Но так как он этого не сделал, он дописал себе еще один грешок. Вот это, кстати, его плитка. Он купил себе завод и теперь весь город отмывает бабки на его заводе. Еще у нас по всему городу висят цветы, потому что у его жены цветочный магазин. Еще у нас каждый год меняются заборчики вдоль дороги, потому что он купил себе сталилитейный завод. И так у нас, в принципе, во всем» (Керчь, мужчина, 28 лет, незаконченное высшее образование, фрилансер в сфере рекламы и журналистики).

В следующем отрывке девушка подробно описывает причины появления на митингах лозунгов против городского главы:

«Все были готовы встать за Осадчего, хотя мы его не любим, мы его не уважаем, мы хотим, чтобы он ушел. Мы готовы были охранять администрацию, мы готовы были охранять его, потому что это не надо нам... (...) Мэр поступил неправильно, он начал хватать прям российский флаг, вырывать его, не давать его вешать. Сразу все на дыбы еще больше стали, перестали вообще его уважать. Потому что, если бы он правильно

поступил, он бы сказал: ребят, я с вами до конца, стоим за город костями, я с вами до конца. Все, мы бы за него стояли до конца. И даже когда бы мы в Россию бы попали, мы бы сказали — пусть он у нас остается, он у нас хороший, все. Но, так как он так не сделал, его здесь все называют проституткой, он ни туда, ни сюда» (Керчь, женщина, 24 года, высшее образование, учитель украинского языка и литературы).

Таким образом, несмотря на массовое недовольство жителей города социальной политикой мэра, проблемы, связанные с этой политикой, были озвучены *инструментально* — в целях наказать главу за отказ поддержать пророссийское движение и его требования.

В этом смысле пророссийское движение в Крыму ближе к украинскому Майдану, чем к Антимайдану. Участники Майдана, как и жители Керчи, были всерьез обеспокоены социальными проблемами и рассказывали о них в интервью, но при этом считали, что проблемы национальной независимости Украины и борьбы с диктатурой – важнее, поэтому именно эти, а не социальные, требования должны быть на первом плане. В то же время участники украинского Анти-Майдана, нуждаясь в дополнительных аргументах в пользу критики власти и выступавших не за, а против национализма, часто называли социальные проблемы в качестве основных. Как в случае пророссийского движения в Крыму, так и в случае проукраинского движения в Украине, национальная проблематика отодвигает на второй план и социальные проблемы.

Восприятие митингов и протестов как формы коллективного действия

В ходе украинских протестов на Майдане и Антимайдане (как и во время «Болотных» митингов в России) мы могли наблюдать, как публичные формы выражения недовольства текущей ситуацией (митинги, демонстрации, и т. д.) постепенно приобретали легитимность в глазах протестующих, которые еще год назад с трудом могли представить себя участниками каких бы то ни было протестных акций. Ситуация в Крыму в этом отношении разительно отличалась. Жители Керчи и Севастополя вышли на митинги, но сделали это по необходимости, не изменив своего отношения к публичным акциям в целом. Протестный митинг сам по себе оставался в их глазах мероприятием бессмысленным (способ времяпрепровождения для тех, кому нечем заняться) и опасным (грозящим «провокациями» и беспорядками).

Митинг как *форма* артикуляции недовольства часто становился поводом для критики крымскими активистами своих противников, движения Майдан:

«У меня такая ассоциация, что у нас эти митингующие — это маленький ребенок. Им что-то мама не дала — и они все, в крик, в визг. В первый раз, когда была оранжевая революция, им что-то опять не дали, и он все — в слезы, в сопли» (Керчь, женщина, 25 лет, высшее образование, парикмахер-стилист).

В какой-то момент девушка, автор этого высказывания, вспомнила, что сама активно участвовала в пророссийских митингах в Крыму, и поэтому снисходительно добавила — «помитинговать, покричать все любят, это не для кого не секрет». В ответ на вопрос о том, почему она сама участвовала в пророссийских митингах, девушка прояснила свою позицию:

«Ну, пророссийские... Пророссийские в принципе... Если народ нормально собирается, чтобы высказать свое мнение... Ну, то есть, тут тоже такое дело, надо же кому-то высказывать... Если бы вышел глава города, или представитель самой России, это сделали бы более организованно, т.е. представитель и народ ему высказывает какие-то свои пожелания или что-то в этом роде — это да. А когда просто стоит толпа народу и что-то кричит — ну, покричали они, и что дальше? Разошлись, пошли по кафешкам, все. То есть, если смотреть на митинг, когда есть какой-то человек, которому нужно донести что-то — я за такие митинги. Но которые должны быть правильно организованы, чтобы не было беспорядков, чтобы было кому высказывать. А если просто постоять покричать — посидите дома у себя покричите у телевизора, будет такой же исход у этого всего. То вы в телевизор покричите, а то вы в воздух покричите. В воздух покричали, высказали свое мнение — все. Всем хорошо. В этом плане как-то вот так вот это должно быть» (Керчь, женщина, 25 лет, высшее образование, парикмахер-стилист).

Порой неприязнь к митингу как к форме, но, одновременно, симпатии пророссийскому движению в Крыму, порождали противоречивые высказывания — поскольку митинги грозят беспорядками, лучше остаться дома, но остаться дома — значит остаться в стороне, а это уже невозможно:

«Вопрос: А опишите Ваши впечатления от первых митингов, на которых Вы были. Что Вам понравилось в том, что там происходило, а что не понравилось?»

Ответ: А тут, в принципе, ничего хорошего и не было. Ну, собрались мы, покричали... Не, ну мы поддерживали Юго-восток, Путина, Россию, Володю, Владимира Владимировича, точнее (смеется). Но я бы лучше так не собирался, честно.

В: А почему?

О: Ну, лучше мирно, спокойно чтобы было.

В: А было не очень мирно?

О: Нет, было все мирно и спокойно, но когда устраиваются митинги, это уже беспокойно, правильно? Я как-то за то, чтобы лучше дома посидеть, чтобы спокойно было.

В: Если Вы за то, чтобы лучше дома посидеть, почему Вы тогда решили все-таки пойти?

О: Но поддержать же надо все-таки. Я все-таки здесь родился, вырос, не могу находиться тут, когда происходит такое» (Керчь, мужчина, 20 лет, студент техникума).

Часто мы видим в участниках протестных движений активных людей, которые противостоят пассивности окружающего их аполитичного общества. Вместе с тем, исследование в Украине показало, что связь между участием в протестах и политической активностью не так однозначна. Сторонники консервативного и ре-активного пророссийского движения в Крыму продолжали относиться к митингам как к бессмысленному и опасному занятию, однако в тоже время в большей степени, чем участники революционного Майдана, были готовы непосредственно участвовать в политике своего региона или своей страны. В приведенной ниже цитате мы можем увидеть, как житель Севастополя критикует митинг как форму политического действия, одновременно настаивая на необходимости участия в политике:

«Ну как бы, митинговать надо, но... надо больше не митинговать... потому что митинг — это митинг. То есть, мы уже видим, к чему это приводит. Надо больше менять политическое устройство страны. То есть, надо больше... или самому идти в политику, или смотреть, какая политическая партия предлагает... иную, чем есть систему... и менять именно систему изнутри. (...) Поэтому, если хотите, я считаю, вот правильно, что вот щас в Севастополе нету вот этих митингов, нету этих демонстраций, всего, вот. Это правильно, это... меньше надо митинговать. Сейчас надо работать на единую страну. А выбор надо делать свой на выборах» (Севастополь, мужчина, 25 лет, высшее образование, фрилансер).

После аннексии Крыма по социальным сетям гуляла популярная картинка. На ней был изображен многотысячный митинг в Севастополе, а подпись внизу гласила: «Когда крымчане собрались на несанкционированный митинг за присоединение к России, знали ли они, что в России запрещены несанкционированные митинги?». Противоречие, на котором сыграли оппозиционно настроенные авторы демотиватора, в реальности является ложным. Участники пророссийского движения в Крыму не стремились выходить на митинги,

напротив, они с опаской относились к митингам и протестам как таковым и, вероятно, стали бы сторонниками упомянутого выше запрета. Даже наиболее активные члены *реактивного* движения продолжали использовать деполитизированную риторику в отношении низовой протестной политики, с трудом делая исключение для собственных акций протеста.

Вместе с тем, история показывает, что залог успеха любого протестного движения — не только в массовости и радикализме, мужестве и готовности «идти до конца». Движению также нужна рутинная активистская работа. Только готовность к долгосрочной, «скучной» и даже «бюрократической» активности может привести движение к победе. В этом смысле Майдану не хватило рутины после всплеска протеста, а пророссийскому движению в Крыму — протестного запала, который бы позволил «не забыть» и претворить в жизнь многочисленные реформаторские проекты наших информантов.

Национальная идентичность

Наконец, последний вопрос, который мы хотим затронуть в данном разделе — это особенности национальной идентичности активистов пророссийского движения в Крыму. В отличие от участников Майдана и Антимайдана в Харькове и Одессе, которые, как мы сможем убедиться ниже, настаивали на украинской идентичности по крайней мере до начала волнений в стране, подавляющее большинство наших крымских информантов сходились на том, что они — русские «и всегда таковыми были»:

«Ответ: Рус-ски-е. Все, больше никого нет. Нет, есть немцы, итальянцы, есть татары, есть все. Я себя считаю русским, потому что, во-первых, у меня родители русские, они родились не в Украине. Это первое. А второе — у меня, в конце концов, в свидетельстве о рождении написано СССР. Все.

Вопрос: И Вы себя всегда считали...

О: Считал, считаю, и буду считать. У меня просто был паспорт другого государства, неродного мне, и все. Я никогда не относился к Украине с уважением, я в принципе к Украине никогда никак не относился, честно Вам скажу. Все» (Керчь, мужчина, 28 лет, незаконченное высшее образование, фрилансер в сфере журналистики, рекламы и пр.);

«Вы знаете, я всегда была патриоткой России. У нас в роду белорусы и русские. Я была русской, но я стала еще даже... наверное, в какой-то степени националистской» (Керчь, женщина, 24 года, высшее образование, учитель украинского языка и литературы).

Особенно сильно подчеркивали не только свою русскую национальную идентичность, но и русскую национальную идентичность своего города жители Севастополя:

«Ну, Севастополь все эти двадцать лет был русским городом, на всех митингах, на всех общественных мероприятиях... и вообще, когда человек рождается в городе Севастополе, прежде всего... ну, там, истории... то есть, со школы, и... очень много памятников, и все, связано с Екатериной» (Севастополь, мужчина, 25 лет, высшее образование, фрилансер).

Большинство наших крымских информантов имели друзей, родственников и знакомых в различных регионах Украины, отношения с которыми ухудшались по мере того, как противостояние в Киеве, на Юго-востоке и в Крыму набирало силу. Разрыву или ослаблению личных связей часто способствовало радикальное несходство позиций по поводу происходящих событий. Чем дальше, тем больше Украина казалась жителям Крыма чужой и враждебной страной:

«Дальше, чем Красноперекоск [город на границе Крыма и материковой Украины — прим. авторов], земли для меня нету. Для меня теперь земля в другую сторону — туда [показывает по направлению паромной переправы на Кавказ — прим. авторов]» (Керчь, женщина, 24 года, высшее образование, учитель украинского языка и литературы).

Как и в случае движения Антимайдан в целом, напряженность и вражда между пророссийски и проукраински настроенными жителями одной (вот уже 23 года) страны стали *результатом*, а не поводом для общественной мобилизации.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ. МАЙДАН И АНТИМАЙДАН: СРАВНЕНИЕ

Национальная идентичность Майдана и Антимайдана

Национализм Майдана

Один из самых спорных вопросов в отношении Майдана — это вопрос о том, был ли он националистическим. Наше исследование отвечает на этот вопрос утвердительно, но с оговорками: да, это был националистический протест, во всяком случае, в итоге, однако национализм Майдана — особый, совершенно не похожий на его карикатурное изображение «Первым каналом». Более того, характерно, что то, как воспринимают свой национализм сами майдановцы и то, как его рисуют комментаторы извне — это два совершенно разных национализма. Вопрос организованности / спонтанности националистической мобилизации — один из примеров различия в оценке Майдана извне и изнутри. В восприятии многих внешних наблюдателей Майдан был спланирован, подготовлен и возглавлен радикальными националистами. Однако, судя по нашим интервью (заметим также, что экспертные оценки говорят о том, что крайне правые не составляли большинства протестующих¹¹ на Майдане, другое дело, что они сыграли довольно важную организационно-политическую роль), национализм Майдана был спонтанным и представлял собой не политическую идеологию, а коллективную идентичность. Наши респонденты все как один рассказывали, что прежде, до Майдана, не считали себя патриотами — национальное самосознание проснулось в них непосредственно в ходе протеста:

¹¹ http://polit.ru/article/2014/09/06/radical_nationalism/

«Я никогда не думал, я не был никогда патриотом, я никогда так не думал... об Украине, как сейчас думаю. Не так ценил это все. (...) На нас влияют (...) события какие-то, которые происходят. В какой-то момент просто я безумно стал любить свою родину... я действительно не знаю, почему, какой момент был переломным. Я понимаю, что это был, наверное, один миг» (Киев, мужчина, 24 года, высшее образование, работник транспортного предприятия).

Вопрос украинского языка — еще один пример того, как по-разному национализм Майдана воспринимался извне и изнутри. Противники Майдана убеждены, что это движение выступало за радикальную украинизацию, украинский язык стал для них одним из символов «националистической революции»:

«Многие из моих знакомых теперь, в связи с этими делами уже не любят украинский язык и і ти, хто розмовляє українською мовою — а ты не бендера часом? Теперь я стараюсь как можно меньше его употреблять. И поэтому я даже с телефона поудалял все украинские песни» (Одесса, Антимайдан, мужчина, 23 года, высшее образование, фрилансер).

Действительно, для подобных оценок есть веские основания: вспомним хотя бы то, что первый закон новой, переходной власти был направлен против русского языка¹². Однако наше исследование показало, что среди участников Майдана было очень много русскоязычных людей, не знавших украинского. Поэтому неудивительно, что для многих майдановцев украинский язык был хоть и желательным, но не обязательным атрибутом настоящего патриота:

«У нас очень много русскоязычных украинцев. (...) Я русскоязычный жидобандеровец, знаете (смеется). Они не знают языка, но они его как-то учат... постепенно. Но они украинцы. Украинец это... мироощущение» (Киев, женщина, около 22 лет, студентка, фрилансер).

Еще один характерный пример того, как сильно отличалось восприятие национализма Майдана его участниками и внешними наблюдателями — «вечная» проблема востока и запада Украины. Со стороны казалось, что Майдан — это движение «западцев», ненавидевших Восток. И, тем не менее, Майдан во многих «восточных» городах, например, в Одессе, Харькове, Днепропетровске стал — к удивлению как его противников, так и

¹² См. ,например, <http://vz.ru/news/2014/6/28/693184.html>

сторонников — массовым движением. Сами майдановцы верили, что протест против Януковича не разъединил, а, наоборот, объединил два берега Днепра:

«Это появилось как раз именно во время Майдана. Потому что после 2004 года, когда казалось, что Донецк, Луганск — это одна часть Украины, Львов, Карпаты — это другая... я, по-моему, больше встречала [на Майдане] людей с Запорожья, с Донецка и с Луганска, чем со Львова. Настолько вот Украина действительно объединилась. Если до этого мы были по-настоящему раздельны... то есть сейчас мы объединены, мы единый народ» (Киев, женщина, 17 лет, школьница).

Какой бы аспект национализма Майдана мы не взяли, мы увидим, что взгляд изнутри и взгляд извне принципиально различаются.

Впрочем, восприятие национализма Майдана было разным не только у его участников и внешних наблюдателей, сторонники движения также воспринимали национализм по-разному. Одни считали, что национализм — это идея, объединяющая всех *граждан* Украины, независимо от их этнических, языковых и иных характеристик: «сейчас украинцами достойны называться те, у кого паспорт украинский» (Киев, мужчина, 24 года, высшее образование, работник транспортного предприятия); другие полагали, что национализм — это идеология особой цивилизации, взрастившей самобытную украинскую культуру: «когда здесь была Киевская Русь, в России там были сплошные леса» (Киев, женщина, 17 лет, школьница); для третьих нация совпадала с языком.

На самом деле, в рядах Майдана не было общего понимания национализма и «украинскости». Новый украинский национализм так и не стал оформленной и законченной идеологией, доктриной: каждый вкладывал в понятие нации что-то свое. Так как же определить этот новый украинский национализм — национализм Майдана, который так по-разному трактуется не только наблюдателями и противниками, но и самими участниками зимних протестов? Можно ли найти нечто общее во всех этих представлениях об украинской нации?

Начнем с того, что самые разные высказывания наших информантов о том, кто такой украинец, роднило не наличие какого-то одного, главного критерия принадлежности к нации, но, наоборот, отсутствие каких-либо четких критериев. Высказывания активистов Майдана об «украинскости» казались очень похожими друг на друга, но они похожи не столько своим «определением» «украинскости», сколько размытостью:

«Это ощущение единства ... огромный подъем национального именно ... национально-гражданского. Вот не только национального, а именно вот национально-

гражданского, потому что не было там какого-то разделения вообще, да? Нигоян вообще армянин. Жизневский поляк, нет, по-моему, беларус.... понятие «украинец» — оно тогда, знаешь, было тождественно понятию «человек». Человек с чувством собственного достоинства» (Киев, женщина, около 22 лет, студентка, фрилансер).

Наши респонденты давали предельно широкое определение национальной принадлежности. Быть украинцем — значит быть полноценным человеком, гражданином с чувством собственного достоинства. Но разве таким мы привыкли видеть национализм? На самом деле, если внимательно посмотреть на интервью, то станет понятно, что различные рассуждения о том, кто такой истинный украинец, роднит не указание на какие-либо *признаки* «украинскости», но на то, что не поддается определению — на уникальный, необъяснимый *опыт* — опыт участия в революционном событии:

«Именно украинская символика вышла на передний план. (...) Украинское... оно очень сильно начало отождествляться именно с этим... *даже не знаю, как это назвать*, это вот то, что мы называем «*революция достоинства*». Оно начало отождествляться с благородным, с честью, (...) с какими-то историческими традициями, когда наши казаки шли на сечь, и воевали, и защищали эти земли. С каким-то (...) как у Гоголя (...) как он описывает украинцев, как (...) народ балагурный, веселый, нежный, добрый. (...) Это (...) ощущение себя украинцами, оно *непередаваемо*. Даже сейчас (...) мне стоит (...) достать (...) украинский флаг, вот так вот сделать в метро, знаешь, я буду ехать по эскалаторам, и люди будут улыбаться и вот так вот махать. Это ощущение *непередаваемой общности*» (Киев, женщина, около 22 лет, студентка, фрилансер).

В глазах участников Майдана — как активистов, так и тех, кто сопереживал этому протесту — украинская нация родилась на самом Майдане. Украинцы для них — это не те, кто *обладают* какими-то качествами или признаками, будь то цвет кожи или уважение к национальной независимости, а те, кто *испытал, пережил* то чувство единства, которое захватило людей и сделало их единой нацией. Другими словами, *сопричастность* уникальному событию Майдана пробудило любовь к своей стране. Как выразительно заметил один из наших информантов: «Я считаю, что украинец — это тот, кто Украину любит, кто ходил на революцию, кто поддерживал, интересовался хотя бы этим» (Киев, мужчина, 24 года, высшее образование, работник транспортного предприятия). Эта «сентиментальность» нового украинского национализма, его происхождение из «непередаваемого» опыта на грани откровения имело своим последствием одну важную

вещь. А именно — культ «подлинности», который подменил собой содержание национальной идеи Майдана.

Размышления наших респондентов об «украинскости» роднит язык подлинности, определяющий «нас» как «настоящих» украинцев, «истинных патриотов»: «если человек не сможет любить искренне Украину, он не сможет быть украинцем» (Киев, мужчина, 24 года, высшее образование, работник транспортного предприятия). Конечно, представление о «подлинных» патриотах — неотъемлемая часть любого национализма. Однако другая его неотъемлемая часть — это идеология, доктрина нации. Специфика «национализма подлинности» состоит в том, что «идеологическая» часть отсекается и остается только эмоциональная. В результате определение того, что значит быть членом нации, превращается в тавтологию. Иными словами, вместо формулы «подлинный украинец — это украинец по языку (по крови, по культуре и т. д.)» мы имеем формулу «настоящий украинец — это тот, кто любит Украину по-настоящему». «Национализм подлинности» предполагает равнодушие к идеологическому аспекту национальной идентичности:

«[Мое] мировоззрение очень поменялось. Кто-то называет это гражданской позицией, кто-то патриотизмом, кто-то национализмом. Каждый по-своему трактует. (...) Некоторые считают, что если я люблю Украину, то я националист. Не знаю. Может и патриот, может и какая-то гражданская позиция. Но то, что я люблю Украину, это явно» (Киев, мужчина, 24 года, высшее образование, работник транспортного предприятия).

Таким образом, люди, пережившие уникальное событие, которое и пробудило в них национальное самосознание, перенесли ауру подлинности этого опыта на свое представление о том, что значит быть украинцем. Настоящие украинцы — это члены «воображаемого сообщества»¹³, сопричастные уникальному событию.

Этот культ подлинности, подменивший собой идейное содержание национализма, имел определенные политические последствия. Главное из них — исключение противников Майдана из категории «настоящих украинцев». Поддержанное Россией вооруженное движение на юго-востоке Украины опиралось, тем не менее, на массовую поддержку несогласных с Майданом местных жителей. Вера в то, что Майдан *уже* объединил всех

¹³ Бенедикт Андерсон в своем революционном исследовании национализма показал, что нации не уходят корнями вглубь веков, но появились в эпоху печатного капитализма в виде сообществ, которые жители национальных государств воображали в качестве объективно существующих общностей. См. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. — 288с.

настоящих украинцев, и акцент на подлинности привели к тому, что противники Майдана могли быть легко объявлены «ненастоящими» украинцами. Эта вера обернулась своей противоположностью — исключением весомой части украинцев из нации.

Проследим на примере одного интервью, как происходило это исключение. В следующих отрывках молодая девушка рассказывает о единстве страны как результате Майдана: «Майдан — это такое единение...», «мы стали единым народом»; «еще буквально года два-три назад мы бы никогда не подумали, что Днепропетровск будет так активно [участвовать в протестах]. (...) Сейчас нету такого как бы отношения предвзятого, какого-то агрессивного по отношению к жителям Луганска» (Киев, женщина, 17 лет, школьница). Ощущение того, что страна после Майдана — едина, приводит ее к убеждению в том, что все «настоящие украинцы» поддерживают Майдан и АТО — военную кампанию, защищающую, по мнению большинства сторонников Майдана, независимость Украины:

«Национальная гвардия и силы АТО — это как раз жители Донецка и Луганска. Ну как ты себе можешь представить, что они будут по своим же городам расстреливать и убивать? это... нет. Я в это не верю» (там же).

Наша собеседница отрицает реальность гражданской войны, подкрепляя свою веру тезисом о единстве: все подлинные украинцы, независимо от того, живут ли они на Западе или Юго-востоке, говорят ли на русском или украинском — за нас, а значит, и украинцы Луганска и Донецка являются сторонниками АТО. Однако в какой-то момент она объявляет тех, кто поддерживает ополчение, не настоящими украинцами:

«Человек, который заявляет, что он хочет в Россию, уже автоматически не украинец. Там очень много русских, которые приезжают. Поэтому я не считаю, что это брат на брата» (там же).

Но в итоге она озвучивает тезис, противоположный ее же словам о единстве Луганской и Донецкой областей с остальной Украиной:

«[мои знакомые из Луганска, поддерживающие Майдан говорят, что] Луганск надо закатить цементом. Это общество различается с остальной Украиной. (...) В то же время это не значит, что мы готовы отказаться от Луганской области. Какое бы там большинство не было людей, там есть люди, которые украинцы, которые действительно хотят жить в Украине... я считаю это настоящим героизмом, потому что на Майдане легко было ходить с флагом Украины и кричать "За Украину!", потому что таких было большинство. А когда Донецке или Луганске в открытую

ходили с украинским флагом, они действительно герои, потому что к этому все негативно и агрессивно относились» (там же).

Таким образом, язык подлинности утверждает единство национального целого, но при этом исключает из него всех украинцев, не поддержавших Майдан.

«Ненастоящих» украинцев наши респонденты часто записывали в категорию «русских»:

«Глупо находиться на территории (...) государства и говорить, что я хочу быть в другом государстве. (...) Был бы идеальный вариант, если все те, кто хотели жить в России, поехали бы туда и осталась бы Украина такой, какая она есть, потому что в ней жили бы те люди, которые ее любят» (Киев, женщина, 17 лет, школьница).

Культ подлинной Украины, «такой, какая она есть» и настоящих украинцев, «которые ее любят», становится для этой девушки инструментом исключения граждан, озвучивающих «пророссийские» лозунги. «Ненастоящие» украинцы — это «русские» по языку, «жертвы российской пропаганды», граждане Украины, которые «хотят жить в России» и т. д. Вместе с тем, наше исследование показало, что российская идентичность, как и требование присоединения к России, изначально были маргинальными среди рядовых активистов Антимайдана — несмотря на все усилия русских националистов сделать имперскую идеологию доминирующей в движении. Как сами участники Антимайдана реагировали на попытку лишить их «украинскости» и записать в «русские»?

Национальная идентичность Антимайдана

Прежде всего, вопреки распространенному мнению, участники и сторонники Антимайдана за редким исключением, по крайней мере до событий на Майдане, не идентифицировали себя как русских. Они могли подчеркивать свои симпатии «русскому миру», называть русский язык в качестве родного, но продолжали считать себя украинцами:

«Ну, конфликт идет между, как оно было изначально, между США и нами, как бы... украинцами. Да, ну, украинцами не теми, которые поддержали этот весь протест, а украинцами, которые, грубо говоря, выросли, да, с Россией, потому что тут большинство, тут в основном русскоязычное население на Юго-востоке» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 23 года, неоконченное высшее образование, торговец компьютерами на рынке).

Однако после «чужой революции» на Майдане, а затем смены режима и событий 2 мая в Одессе, в ответ на активное использование Майданом национальной символики, национальная идентичность участников Антимайдана стала меняться.

Впрочем, часть активистов Антимайдана сохранили украинскую национальную идентичность в неизменном виде, и, более того, настаивали, что именно они, а не сторонники Майдана — настоящие украинцы:

«Я украинец, у меня мама украинка, папа украинец, где-то там был прадедушка поляк. Вот, я тоже кстати, смотри, ситуация такая интересная получается. Кто не кричит, у нас сейчас сегрегация такая пошла интересная, кто не кричит “Слава Украине” или не отвечает “Героем слава!”, тот сепаратист, не любит свою страну потому что, не патриот» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 30 лет, фрилансер в сфере);

«А сейчас уже, ну, как по мне, говорят: все мы украинцы, но на самом деле мы уже не все украинцы, есть те, которые поддержали Новороссию, а есть как раз украинцы, псевдоукраинцы, нацисты, которые поддержали устои ЕС и США. Мы уже не один народ, как были, мы разделились» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 23 года, неоконченное высшее образование, торговец компьютерами на рынке).

Эти активисты выражали недовольство действиями своих товарищей по борьбе, которые активно использовали российскую символику и тем самым создавали неправильное впечатление о движении в целом:

«Почему российские... не знаю... войска, люди, техника должна приходить вам помогать, когда вы сидите на диване и ноете или просто ставите российский флаг? Вообще это можно вполне было убрать. И поставить там в то время, пока еще не было поздно, пока можно было — флаги украинские. Это был бы хороший ход, потому что мы лишили бы оппонентов ихней символики. Потому что, как не крути — если мы тоже начнем таскать украинские флаги — мы тоже получается украинцы, мы тоже имеем право на свое мнение, и этим мы показываем, что как бы мы не какие-то... не сепаратисты там, не какие-то совки старые» (Одесса, Антимайдан, мужчина, 23 года, высшее образование, фрилансер).

Тем не менее, большинство наших информантов, сторонников Антимайдана, в результате всех произошедших событий перестали считать себя украинцами: «Знаете, честно вот сказать вот, я там не был, но мне кажется, когда тебя бомбит украинский самолет, ты уже

не сильно считаешь себя украинцем» (Харьков, Антимайдан, мужчина, около 26 лет, высшее образование, курьер). Для многих из них прежде периферийная, региональная идентичность, вышла на первый план. Этот процесс описывается исследователями общественных движений как «расширение идентичности» — когда в связи с определенными обстоятельствами (в данном случае, в ответ на эксплуатацию украинской национальной идентичности активистами Майдана) ранее малозначимая идентичность становится основной идентичностью человека:

«Вопрос: А вы себя считаете, вот лично, украинцем, или нет?

Ответ: Ну, теперь... теперь я себя считаю харьковчанином, но не украинцем.

В.: А что это для вас значит?

О: Харьковчанином? Ну я патриот... Ну как... Вот, я стал патриотом своего города, своей области. Мне теперь уже глубоко все равно, если мы даже отделимся от Украины, как там себя будут чувствовать жители Львова или Тернополя. Или того же самого Киева. Абы у нас все было хорошо» (Харьков, мужчина, 36 лет, среднее специальное образование, рабочий);

«Вы знаете, я Вам скажу, что, наверное, все-таки я стал [после событий на Майдане] более патриотичным, хотя я и до этого любил свой город. Я его любил и это. Но, наверное, я стал всё-таки более патриотично к нему относиться» (Харьков, мужчина, 52 года, среднее образование, бизнесмен).

Другие же не просто перестали чувствовать себя украинцами, но стали примерять русскую идентичность:

«Я просто размышлял кто я — русский или украинец. В облом вообще называться украинцем после второго мая. Просто да я учился в этой стране, да хотелось работать здесь, что-то получить, что-то сделать, но после у меня Украина стала ассоциироваться с массой очень негативных явлений» (Одесса, Антимайдан, мужчина, 23 года, высшее образование, фрилансер).

Однако эта трансформация идентичности участников Антимайдана была *ответом* на действия их противников и события на Майдане. Вопреки распространенному стереотипу, сторонники Антимайдана не были русскими, но стали ими весной 2014 года, чувствуя, что их страна выступила против них. В общем и целом, если для сторонников Майдана революция объединила страну, то для участников Анти-Майдана, напротив, события зимы и весны 2014 года привели к расколу и разрушению государства:

«Раскол, который был по Днепру, если его можно было назвать раньше, это было как трещина на штукатурке, то сейчас это как трещина в самом фундаменте государства. Если это была раньше просто штукатурка, то сейчас, если это перевести на такие... это как, ну, является... подорвало даже сам фундамент» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 36 лет, среднее специальное образование, рабочий);

«Нет, нынешнее правительство сейчас сепаратисты, это они развалили страну. Это они натравили Запад на Восток. Это началось с июля и начал еще Ющенко, вот это все дело. С Помаранчевой революции. Ну вот и все» (Харьков, Антимайдан, женщина, 52 года, высшее педагогическое образование, бывший работник завода, безработная).

Региональная идентичность Майдана и Антимайдана

Харьков

Помимо национальной идентичности участники украинских протестов в той или иной степени отсылали в интервью к идентичности региональной (локальной). В этом разделе отчета мы рассмотрим особенности региональных идентичностей харьковчан и одесситов.

Харьков является одним из крупнейших городов Украины. Он был крупным центром машиностроения и третьим по величине индустриальным, научным и транспортным центром СССР после Москвы и Ленинграда. В нем находится много НИИ и высших учебных заведений, в первую очередь, ориентированных на технические специальности, поэтому о нем нередко говорят как о «городе студентов». Все эти факты упоминались нашими информантами и становились основанием для того, чтобы подчеркнуть особую роль Харькова как в жизни страны, так и в развитии протестных событий:

«Так как Харьков — самый центр, самый важный регион Харьковской области, поэтому на нас направили сбущников» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 22 года, студент, букмекер);

«Харьковская область, она получает, ну, зарабатывает, приносит самый большой доход в казну. (...) Весь Антимайдан и начался в Харькове» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 23 года, неоконченное высшее образование, торговец компьютерами на рынке).

Активисты также подчеркивали особое положение и уникальность города,

рассказывая об особенностях местного языка и локального словоупотребления. Языковая самоидентификация в этом случае становилась частью локальной городской идентичности («у нас говорят так, особенно»):

«Начнем с языка. Есть масса харьковских слов, которые в Донецке уже сложно понять, которые понимают только в Харькове. (...) Вот даже в Харькове и в Белгороде отличие идет по произношению, по употреблению слов, даже в некоторых моментах по построению предложений» (Харьков, Майдан, мужчина, около 23-25 лет, студент, фрилансер).

Построенная на языке и истории идентичность давала активистам чувство групповой принадлежности. Наши информанты называли себя «харьковчанами» и говорили о жителях города как о «своей» группе, подчеркивая, что сам город является участником протеста: «Мы, Харьков, вообще с первого дня этого Майдана, Харьков был против Майдана этого» (Харьков, Антимайдан, женщина, 52 года, высшее педагогическое образование, бывший работник завода, безработная). Часто они персонифицировали город («Харьков решил», «Харьков сказал» и др.): «Харьков боится, что там начнется» (Харьков, Антимайдан, мужчина, около 26 лет, высшее образование, курьер). То есть не только отдельные люди, но и сам город мыслился информантами как участник борьбы.

Городу наши информанты, как со стороны Майдана, так и со стороны Антимайдана, всегда приписывали только положительные характеристики:

«Ни наводнений, ни землетрясений, в отличие от западной Украины — они постоянно от этого страдают. Я считаю, что в Харькове вообще жить идеально» (Харьков, Майдан, мужчина, около 23-25 лет, студент, фрилансер);

«До этого ты жил в каком-то мире — посмотри на Харьков: зеленый город, люди ходят, люди радуются жизни, портреты, карикатуры рисуют, где-то идет ремонт, где-то строится что-то, даже видимость развития какого-то, вот, бизнес развивается, рабочие места появляются, что-то еще» (Харьков, Антимайдан, 30 лет, высшее образование, фрилансер в сфере IT).

Иногда информанты говорили об особом, харьковском, патриотизме:

«Ну я патриот, ну как... Вот, я стал патриотом своего города, своей области. Мне теперь уже глубоко все равно, если мы даже отделимся от Украины, как там себя будут чувствовать жители Львова или Тернополя» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 36 лет, среднее специальное образование, рабочий);

«Почему я всегда радовалась тому, что я родилась на Украине, особенно в Харькове — это отдельный такой патриотизм, харьковский...» (Харьков, Майдан, мужчина, около 23-25 лет, студент, фрилансер).

Локальная идентичность, как уже было отмечено выше, была в той или иной степени значима как для сторонников Майдана, так и для участников Антимайдана. Активисты Майдана, например, говорили о том, что Харьков — это город студентов, а студенчество часто является инициатором протестов:

«Харьков всегда был студенческим городом, количество высших [учебных заведений] в Харькове — ну я не вспомню сразу, двадцать с чем-то...» (Харьков, Майдан, мужчина, около 23-25 лет, студент, фрилансер);

«Харьков — это же интеллектуальная столица получается, и не просто так люди культуры выступают за украинское единство (смеется)» (Харьков, Майдан, женщина, 26 лет, высшее образование, советник ректора института).

Локальная идентичность в данном случае становится средством оправдания действий Майдана. Та же самая локальная идентичность могла использоваться и для делегитимации оппонентов. Например, представление о том, что Харьков — это студенческий город, приобретало совершенно иной смысл в глазах сторонников Антимайдана. Для них студенты — это не настоящие харьковчане, а те, кто приехал из других регионов Украины, и поэтому они не могут выражать волю города:

«Харьков — это студенческий город, город-миллионник, поэтому большинство здесь были студенты, (...) которые участвовали в Майдане, это все студенты, ну, западной или центральной Украины» (Харьков, Антимайдан, мужчина, высшее образование, бизнесмен).

Географическое расположение Харькова позволяло обосновать «пророссийский» выбор:

«А взять Харьков, вот у него производство тоже как бы, ну вот даже взять финансовую часть, да? Харьков — у него производство на Россию очень большое количество идет, ну я сейчас не знаю, что будет. Ну, ладно там, военная промышленность сейчас на армию работает. А, скажем так, швейные цеха закрываются» (Харьков, Антимайдан, мужчина, около 26 лет, высшее образование, курьер).

Свою роль в поддержании локальной идентичности в Харькове сыграл памятник

Ленину. Он стал местом встречи для активистов Антимайдана. Они собирались именно там для того, чтобы, в случае чего, защитить его от посягательств своих противников. Важно отметить, что памятник Ленину не только символизировал советское прошлое и, таким образом, связь Украины с Россией — для харьковчан он был неотъемлемой частью городского ландшафта, и поэтому угроза его сноса воспринималась патриотами Харькова как угроза их городу:

«А в Харькове, когда все началось, начнем с того, что мы символ города защищали, не нравится кому-то Ленин, я не знаю, ну это символ города, то есть, он стоит как бы в центре, и я даже считаю, что его переносить не надо, он всегда тут стоял и стоит» (Харьков, Антимайдан, мужчина, около 26 лет, высшее образование, курьер).

Национальная и локальная идентичности активистов Майдана и Антимайдана соотносились между собой по-разному. Локальная идентичность сторонников Майдана была включена в более широкую национальную идентичность. То есть, быть харьковчанином означало для них быть украинцем:

«(...) я как бы харьковчанка в третьем поколении. У меня вся женская линия по большей части харьковская, половина у меня родственников из России. Но я же уже родилась в независимой Украине, в стране, которая называется Украиной, воспитывали меня как-то на украинский манер» (Харьков, Майдан, женщина, около 23-25 лет, студентка).

В случае Антимайдана между локальной и национальной идентичностями существовал конфликт. Ответом Антимайдана на исключаящую риторику и насилие со стороны Майдана стали стигматизация национальной идентичности и отказ идентифицироваться со всем «украинским». В итоге активисты Антимайдана соотносили себя либо с абстрактной группой «славян» (как единства русских и украинцев), либо с городом, но не со страной, частью которой он является.

Одесса

Региональная идентичность одесских активистов связана с особым статусом города. С одной стороны, история Одессы уходит корнями в античность. С другой стороны, это город, который делят представители разных национальностей и этносов — русские и украинцы, греки и немцы, болгары и евреи. Наконец, с XIX века Одесса была вторым по масштабу портом российской империи. Сегодня Одесса — это украинский город с подавляющим

большинством русскоговорящего населения и одновременно с большим количеством связей с Европой. Эти особенности географического, социального и политического положения Одессы напрямую отражаются в культуре — например, в «одесском мифе», особых «одесских песенках», анекдотах, визуальных символах, а также в особом одесском акценте, который многие переехавшие в Одессу начинают сознательно имитировать.

Эти факторы усиливали чувство принадлежности к городу среди активистов с обеих сторон. Одесса мыслилась ими как государство в государстве, самодостаточный политический актер, который сам способен определять свою судьбу:

«Одесса — очень самодостаточный город. Он — город себе на уме. Думать, как-то прогнозировать, что вот такая ситуация, что вот какие-то изменения на законодательном уровне, что вот моментально, что оно подействует — нет. Одесситы должны для себя решить сами» (Одесса, Майдан, женщина, около 30 лет, бухгалтер).

Активисты обоих движений разделяли представление об особой политической пассивности города. Странники Майдана подчеркивали, что они не ожидали от одесситов такой активной поддержки:

«Одесса всегда была таким вот городом отдельным, таким, мол, не трогайте нас, не трогайте нас, и мы вас не будем трогать. (...) У нас всегда была самая низкая явка на выборах, вот мы такие были, ничем не интересуемся, кроме своего города, своей жизни» (Одесса, Майдан, женщина, около 30 лет, бухгалтер);

«Есть очень много людей, которые ставят себя так: вот я не украинец, я не русский, ни тех, ни тех не поддерживаю, я просто одессит. У нас в Одессе ведь все было тихо до 2 мая. В Одессе очень спокойные люди, им просто лень выходить на все эти протесты, мероприятия. Им легче сесть дома и подумать, что все это пройдет. Они занимают пассивную позицию и особого во всем участия не принимают» (Одесса, Майдан, мужчина, 17 лет, абитуриент).

Одесские активисты считали Майдан экстраординарным событием, поскольку он смог преодолеть политическую пассивность жителей города, и, несмотря на территориальную близость Одессы к России, заставить их почувствовать себя украинцами:

«Я сама была в шоке, и я помню, сидела с преподавателем своим, разговаривала. Он говорит: “Я в шоке...Я думал, что одесситы покажут, типа, что мы русский город”».

Говорит: «Я был в шоке, когда мы все-таки, наши люди показали, что Одесса — это все-таки Украина»» (Одесса, Майдан, женщина, 20 лет, студентка, фрилансер);

«...остальные (...) вот сейчас уже начали интересоваться той же Украиной, что оказывается, мы же в Украине живем, и это благодаря Януковичу, наверное, или благодаря Путину, он нам напомнил, что Одесса — это Украина» (Одесса, Майдан, женщина, 31 год, высшее образование, менеджер).

Более того, исключительность этой ситуации внушала активистам уверенность в правильности победы Майдана во всей стране: если даже политически пассивная и замкнутая на себе Одесса поддержала Майдан, значит, Майдан — это правое дело.

Таким образом, активисты Майдана в Одессе (как и их соратники из Харькова) обладали двойной идентичностью — они одновременно воспринимали себя и как украинцев, и как одесситов. Тем не менее, между этими идентичностями ощущались конфликт и напряжение:

«Я коренной Одессит, и я поддерживаю целую, независимую, единую Украину. Хотя я Одессит, как ни странно» (Одесса, Майдан, мужчина, 17 лет, абитуриент).

Обратим внимание на окончание цитаты — для самого информанта удивительно, что он, будучи одесситом, *все-таки* поддерживает Майдан и, соответственно, идею единой Украины. Как решается этот конфликт идентичностей? Активисты одесского Майдана говорили о своего рода модели пакта, согласно которому Одесса решила поддержать Майдан: «одесситы *выбрали* Украину». Иными словами, в глазах наших информантов активисты Майдана в Одессе — это не просто активисты украинского Майдана. Это жители Одессы — самостоятельной коллективной единицы — решившей поддержать Майдан. С их точки зрения, не они в индивидуальном порядке выбрали сторону Майдана, но сам город наконец показал свою украинскую сущность.

Активисты Антимайдана в Одессе воспринимали ситуацию совершенно иначе. Антимайдан в их глазах также ассоциировался с городом — они часто упоминали Одессу в интервью и говорили об ее особом статусе. Кроме того, они разделяли миф об одесситах как о политически пассивных гражданах, которых трудно «расшевелить», и удивление, связанное с взрывом политической активности в Одессе. Название города также употребляется в активном залоге, то есть Одесса мыслилась активистами Антимайдана как коллективный политический актер, однако количество таких употреблений в случае одесского Антимайдана гораздо меньше, кроме того, нарративы об Одессе как отдельном городе, который сам принимает решения, практически отсутствовали. Вероятно, это связано

с драматическим поражением Антимайдана 2 мая, которое показало, что главные в городе — это активисты Майдана.

Что касается взаимодействия национальной и локальной идентичности, часть одесских участников Антимайдана ассоциировали себя с Одессой, которую они считали «русским городом»:

«Одесса — это русский город. Мы всегда говорили на всех митингах, я и сейчас считаю так, что это русский город. В принципе, я говорю, когда историю считаешь, осознаешь, что Одесса — это третий город в империи был всегда. То естественно никогда в жизни я не буду считать, что Одесса — это часть Украины. Ну да, Украину построили вокруг Одессы, ну это большое наше, скажем так, большое еврейское горе. Вот и все» (Одесса, Антимайдан, женщина, 39 лет, высшее образование, переводчик).

Другая часть продолжали считать себя одесситами, но только прежней Одессы, еще не затронутой Майданом и репрессиями. «Новая» Одесса, город Майдана, также, как и Украина в целом, вызывала у них только негативные эмоции:

«Ну, я свой город очень люблю, но я вижу, как он жутко изменился. Он страшно изменился, он просто превратился, еще чуть-чуть, и если мы не поднимемся, мы просто превратимся в ещё один город “Бандерштадт”» (Одесса, Антимайдан, женщина, 39 лет, высшее образование, переводчик).

Взаимные стереотипы участников украинских протестов

События 2013-2014 годов в Украине стали травмой не только для непосредственных участников протестов и военного противостояния, но и для огромного числа людей, вовлеченных в них эмоционально. Украинский гражданско-политический конфликт очень быстро поляризовал общество. Каждая из сторон породила собственные знаки и символы, а затем уже сами эти символы определяли стороны: язык и акцент, цвета и форма одежды, характерные словечки и выражения – по ним человека моментально или записывали в лагерь «бандеровцев», или клеймили как «ватника» и «колорада». Эта сигнальная система стала механизмом раскручивающегося маховика размежевания и вражды, поссорившего друзей, родственников, приятелей не только в Украине, но и в других постсоветских странах.

В этом процессе каждая из сторон противостояния была искренне уверена в своей правоте и использовала ряд аргументов для объяснения заблуждений противника. Однако

наши интервью с непосредственными участниками конфликта, активистами Майдана и Антимайдана, неожиданно показали, что обе стороны не просто стремились очернить противника, но и использовали симметричные — и стереотипные — язык и аргументы. Мы разбили эти аргументы на несколько частей.

Во-первых, как сторонники Майдана, так и его противники видели в своих оппонентах жертв пропаганды СМИ, неспособных объективно оценить ситуацию. Вот что говорит об Антимайдане участница Майдана:

«[в АМ участвовали люди], которым абсолютно наплевать, которые, там, беспокоятся только, например, за себя, за свою жизнь, или которые просто под влиянием пропаганды. И все. Которые, ну, там, смотрят только российские каналы, потому что таких людей, в принципе, очень много» (Киев, женщина, 22 года, студентка, фрилансер).

Но сторонники Антимайдана обращались к симметричным аргументам:

«Да, пытался переубедить [сторонников Антимайдана]. Но все равно... зомбоящик, "Россия нас... на нас хочет напасть", и плюс к тому, ну как сказать... вот этот Майдан очень много рассчитан на таких... ну, в основном там молодежь участвует, на таких, на глупых людей» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 36 лет, среднее специальное образование, рабочий).

Причины такой подверженности пропаганде участники протестов видели не столько в ее характере, сколько в особенностях самих людей. Так, по мнению майдановцев, Антимайдан поддерживали неразумные люди, не способные сопротивляться влиянию чужого мнения:

«Возможно, по первоначально просто, я же говорю, исходя из той, так сказать, информационной войны, которая велась Россией, точнее российским правительством, многие попали под ее влияние, и на волне своих каких-то определенных чувств, которые им вложили в голову, они пошли. Ну а дальше, естественно, хода нету» (Киев, мужчина, 42 года, среднее специальное образование, работает охранником).

Те же аргументы звучали в адрес самого Майдана из уст симпатизантов Антимайдана:

«И тут вдруг Евромайдан — давай раскручивать, вот такая это революция, вот, мол, все будет хорошо, вот мы жили плохо, а час настал жить хорошо. И вот оно подносится пропагандой, оно подносится нужным информационным полем, в которое человек, не ориентировавшийся ранее в этом, попадает, попадает в эту струю и в

принципе все — зомбируется. Потому что он не может нормально анализировать и воспринимать какие-то события, какие-то решения» (Одесса, Антимайдан, мужчина, 23 года, высшее образование, фрилансер).

Симметричными были не только обвинения в несамостоятельности, но даже попытки найти того, кто «на самом деле» стоит за якобы низовым протестным движением. Сторонники Майдана, что неудивительно, видели за головами своих противников торчащие уши Кремля:

«У меня однозначно это вот отношение было к тому, что в Крыму — я понимаю, что это все там, ну, кучка людей верховодит, которых координирует Кремль, а, как бы, ну, простые люди — я не знаю, на что они ведутся. У меня изначально там было негативное отношение к этому всему» (Киев, мужчина, 35 лет, среднее образование, водитель),

в то время как сторонники Антимайдана — длинные лапы США:

«Майдан даже трудно назвать полноценным движением — это хорошо спланированный американцами проект, который имел своей целью привести нужных людей к власти. И как инструмент контроля над этими людьми потом. И ничего более. Своих “личных” интересов Майдан не может иметь по определению — он создан не народом, а “дан свыше” Посольством США: организован, устроен, накормлен и вооружен. И воплощал в жизнь то, что нужно США. Отступившие от плана были непременно наказаны. Все остальное (лозунги, идеи, кричалки) — внешний антураж и прикрытие, «завлекалка» для внушаемого народа» (Одесса, Антимайдан, женщина, 30 лет, среднее образование, наемный работник в сфере рекламы и маркетинга).

Кроме того, и сторонники Майдана, и сторонники Антимайдана подозревали своих оппонентов в том, что они участвуют в протестах не искренне, а с целью заработать деньги. Отсюда следовало, что кампания, затеянная их противниками — не настоящая, а значит, не имеет право требовать серьезного к себе отношения. Как говорила одна из участниц Майдана:

«... это вот эти вот, собрали всех этих маргиналов, дали им оружие, дали им деньги, давайте, блин. Заслали туда еще, короче, своих, свою агентуру, агентура поработала — вот мы имеем типа сначала Антимайданы, а из Антимайданов выросло то, что называется сейчас ДНР и ЛНР» (Киев, женщина, студентка, фрилансер).

Но активисты Антимайдана были уверены, что ситуация обстоит ровно противоположным образом. Это их противники, т. е. сторонники революции на Майдане, корыстны в своих мотивах:

«Сейчас вам расскажу, что в них [в движении Майдана и Антимайдана — прим. авторов] разное. Разное количество финансирования. Разное. Если, допустим, Майдан и все это спонсировалось из Запада, та же самая Америка, допустим, спонсировала этот Майдан, Европа оказывала более политическую поддержку, то наша, ну, Самооборона, получается, она явилась следствием той Самообороны, потому что ее... У нас менее массово, потому что никто денег не дает. И люди сами собираются» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 22 года, студент, букмекер).

Зеркальными оказались и представления сторонников Майдана и Антимайдана о внешнем облике своего противника и о том, что за ним стоит. По мнению сторонников обоих движений, на «проплаченность» оппонентов недвусмысленно указывает их обмундирование и внешний вид. Ниже активистка Майдана делится своим мнением:

«Антимайдан — я видела их! Я проезжала как раз на маршрутке мимо Александровского проспекта. Вы знаете, амуниции на них было... ну наверное на каждом, тянуло, ну, на тысячи две долларов, а то и больше. В зависимости от того, наверное, какой статус вот этого... На стороне наших была Самооборона и немножко «Правого сектора», так вот их амуниция — вооруженные вручную...» (Одесса, Майдан, женщина, бухгалтер).

Но сторонники Антимайдана не отставали:

«Ну как сравнивать — во-первых, у нас финансирование от народа, у них финансирование из-за рубежа. У нас нет ничего там... палок, стрелялок, даже какой-то инициативной группы. (...) Это... абсолютно разные движения» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 22 года, студент, букмекер).

Наконец, сторонники обоих лагерей пытались делегитимировать своих оппонентов, утверждая, что они просто-напросто ненастоящие крымчане, харьковчане, одесситы, одним словом, не местные жители, а «засланные казачки». Автор следующей цитаты — сторонница Майдана из Харькова:

«Я просто совсем не исключаю, что участники этого референдума [референдума в Крыму — прим. авторов] тоже были не совсем крымчанами, видя в Харькове такое

огромное количество российских граждан, и которые требовали референдум и занимали нашу администрацию и убивали наших ребят молодых. Как бы я не уверена, что участники референдума в Крыму были крымчанами» (Харьков, Майдан, женщина, 26 лет, высшее образование, советник ректора).

Однако ее слова не слишком отличались от высказывания другого жителя Харькова, на этот раз — сторонника Антимайдана. Для него участники Майдана — это те, кого «привезли» в родной ему город:

«Ну, в целом, грубо говоря, все студенты, которые участвовали в Майдане, это все студенты западной или центральной Украины. Ну, харьковчан как таковых, именно харьковчан, там было ну очень мало. А так все остальные приезжие, ну чисто кто специально сюда приехал для Майдана, кто учится, студент, он выступает за Майдан. На стороне Антимайдана были все харьковчане. Нет никого, ни приезжих, ничего — там все были харьковчане» (Харьков, Антимайдан, мужчина, высшее образование, занимается бизнесом).

В течение месяца мы ездили по разным регионам Украины и говорили с активистами с той и с другой стороны. Снова и снова мы сталкивались с тем, что наши собеседники не воспринимали всерьез аргументы и лозунги тех, кто находился по другую сторону баррикад. Вместо этого они представляли своих противников карикатурно, обвиняли их в проплаченности, неосведомленности и корысти по стереотипным основаниям. Они редко замечали, что рисуемые ими и их врагами карикатуры почти не отличаются друг от друга. Описывая своих оппонентов подобным образом — как зомбированных и недалеких, циничных и кровожадных людей, которые не способны сопротивляться влиянию СМИ и протестуют только потому, что им за это заплатили — активисты обеих сторон отказывали противникам в самой способности мыслить, решать и действовать от своего имени, а значит, выдвигать требования, с которыми нужно считаться. Исключив возможность диалога между людьми, смешная карикатура привела к несмешным последствиям: о чем говорить с теми, кто по определению не имеет своего мнения и даже права на него?

Были ли в украинских протестах социальные требования?

В отличие от «Болотных» протестов в России в 2011-2012 гг., участники которых сознательно отказывались артикулировать социальные требования¹⁴ (поскольку, по их мнению, они были частными, а не общими, и значит, грозили расколом движения), социальные требования в украинских протестах, как выразился один информант, присутствовали в «свернутом виде». За некоторыми исключениями, о которых пойдет речь ниже, этот тезис относится как к Майдану, так и к Антимайдану.

Активисты Майдана часто рассказывали в интервью о том, как они сталкивались с коррупцией, как у их знакомых «отжимали» бизнес, как кому-то не платят зарплату, и как они сами покупали все необходимые материалы для того, чтобы пройти обследование в больнице:

«Сегодня хлеб в Украине, 5 гривен буханка стоит, это эквивалент доллара, то есть две буханки хлеба 1 доллар стоит. У пенсионера пенсия у обычного даже не 100 долларов, а 90 долларов. Коммунальные услуги сейчас выросли на 55%. (...) То есть, чтобы заплатить бабушке за квартиру, (...) — это 50 долларов, 550 грн. (...) У нас в Киеве был хаос постоянный, все два года [время правления Януковича — прим. авторов]. Асфальт нигде не положенный, в школу дети не ходили, ничего не обогревалось» (Киев, мужчина, 29 лет, высшее юридическое образование, фрилансер).

Недовольство происходящим в стране отчасти определило то, с какой легкостью участники движения вовлеклись в протест. Майдан мыслился информантами как движение, которое включало в себя все возможные повестки сразу — реформу судебной власти, увеличение зарплат и пенсий, безвизовый режим с ЕС, инвестиции в производство и устранение коррупции. Все требования движения были неразрывно связаны друг с другом и с социальной проблематикой:

«Одно из требований было люстрация, и она подразумевает под собой изменения в Конституции, в том числе, и изменения по всем этим социальным выплатам. Я думаю, что, знаешь, всё-таки интеграция. (...) Европа требует, когда ты подписываешь это соглашение, подгонять под их (...) стандарты те же выплаты социальные, те же

¹⁴ Об отказе от социальных требований в Российском протесте см. подробнее О. Журавлев, Н. Савельева, М. Алюков. Куда движется движение: идентичность российского протеста / Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011-2013. — Коллективная монография; Алюков М.Л., Ерпылева С.В., Желнина А.А., Журавлев О.М., Завадская М.А., Клеман К., Магун А.В., Матвеев И.А., Невский А.В., Савельева Н.В., Туровец М.В.; редакторы Ерпылева С.В., Магун А.В. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 480 с., с. 350-390

коммунальные (...) естественно, у них и пенсии там повыше, социальные выплаты» (Киев, мужчина, 35 лет, среднее образование, водитель).

По мнению активистов, Майдан не был протестом, который выражал интересы какой-то одной части общества. Напротив, он объединил все общество и представлял интересы всех социальных групп:

«Можно изобразить это так: есть вот общая, общность, общий купол, мы украинцы. Вот в этом общем куполе мы делимся на разные социальные группы. Каждая социальная группа, она должна быть представлена» (Киев, женщина, студентка, фрилансер).

Среди наших интервью не было ни одного, где информанты так или иначе не упомянули бы о коррупции, низких зарплатах, некачественной медицине или нарушениях закона. В этом контексте «Европа», «европейский уровень жизни» был метафорой социального и экономического благосостоянием всех групп общества:

«Понимаешь, в этом протесте было заложено все. Было заложено главное, что включало в себя все: и пенсии, и образование, и нормальную работу. Это было включено в «европейский уровень жизни»» (Киев, женщина, студентка, фрилансер).

Тем не менее, отвечая на вопрос о том, за что выступает Майдан и каковы причины участия в нем, активисты почти не упоминали социально-экономические проблемы. Некоторые из них даже открыто противопоставляли политические требования Майдана и вопросы, касающиеся зарплат и пенсий:

«Люди выходили не за зарплаты, не за повышение пенсии или еще что-то, об этом даже никто не говорил, потому что это было настолько мелким по сравнению с тем, что у нас в правительстве диктатор» (Киев, женщина, 22 года, студентка).

Участники Антимайдана, как уже было отмечено выше, также подчеркивали важность социальных и экономических проблем. Они говорили о модернизации и развитии производств, о ценах на коммунальные услуги и здравоохранение, проблемах в образовании, общественном транспорте и инфраструктуре. Антимайданы в разных регионах объединяло требование перераспределения налогов, большая часть средств из которых должна была, по мнению активистов, оставаться в регионах, а не уходить в центр:

«Улучшение жизни людей, (...) увеличение социальных выплат, то есть одна из самых основных проблем была — чтобы все то заработанное, что мы зарабатываем здесь, не

уходило 90% на Киев, а 10% оставалось здесь, чтобы большая часть заработанного оставалась в Одессе, чтобы Одесса развивалась» (Одесса, женщина, 29 лет, высшее образование).

Активисты обоих движений говорили о социальных проблемах, но делали это по-разному. Для сторонников Майдана коррупция, низкие зарплаты и т. д. были важным аргументом против *прошлого* правительства. Для сторонников Антимайдана социальные проблемы — аргумент против *нынешней* власти, которая пришла на волне Майдана и сделала жизнь людей еще тяжелее. Для сторонников Майдана социальные требования в «свернутом виде» представлены в поддержке подписания Соглашения об ассоциации, критике агрессивного поведения власти в отношении протестующих, требованиях люстрации. Сторонники Антимайдана высказывали их открыто, используя в первую очередь как способ показать бесполезность и губительность политики новых властей. Если в Одессе Антимайдан не выступал активно с социальными требованиями в силу страха перед насилием и репрессиями, то в Харькове движение постоянно проводило митинги, посвященные реформам образования и медицины. Наконец, Майдан видел решение проблем, во-первых, в реформах, которые должно провести украинское правительство, во-вторых, в следовании европейским стандартам. Антимайдан, напротив, считал, что Украина уже не способна решить назревшие проблемы самостоятельно, и ей нужна помощь извне, в первую очередь — от России. Вот как об этом говорила активистка Антимайдана в Одессе:

«Я очень хочу, чтобы в Одессе был порядок, да, в этом городе, была стабильность, была работа. Вот поэтому я, в общем, скажем так, именно за свой город. Я считаю, что без России тоже Одесский регион просто не вытянет. (...) Честно говоря, я восхищаюсь Путиным, несмотря на все “Путин не помог”, “Путин слил” — я им восхищаюсь. Он очень грамотный политик, он, действительно, поднял большую страну. Может быть, на его опыте и с его бы помощью Украина бы и вылезла. На сегодняшний день... этой страны уже нет. Она не поднимется. К сожалению. Без чьей-то помощи, я считаю, что лучше взять помощь России, чем брать помощь Евросоюза» (Одесса, Антимайдан, женщина, 43 года, высшее образование, предприниматель).

Почему обеспокоенность социальными проблемами так и не превратилась в социальные требования ни в одном из движений?

Во-первых, на Майдан повлияли внешние факторы. Открытое давление со стороны России, а затем потеря Крыма и обострение конфликта на Востоке сместили фокус с внутренних социальных проблем на противостояние с Россией. В итоге социальная повестка,

которая не смогла превратиться в четкие требования в первые месяцы протеста, стала еще менее жизнеспособной. Фактически агрессивная политика Путина и боевые действия на Востоке дали новой украинской власти шанс отложить решение неудобных социальных и экономических вопросов на потом. Антимайдан, в свою очередь, направил основные усилия на противостояние Майдану вместо социальных проблем.

Во-вторых, для Украины, как и для всех стран бывшего СССР, характерна слабость гражданских организаций и независимых профсоюзов, которые являются главными институтами, формирующими публичную дискуссию о социальных проблемах.

Кроме того, важную роль сыграл распространенный в постсоветских странах взгляд на социальную функцию государства. Большинство жителей Украины традиционно считали вопрос регулирования социального неравенства функцией государства¹⁵, одновременно видя, что государство эту функцию не выполняет¹⁶. Янукович неоднократно нарушал свои же обещания, а его чиновничий аппарат оказался настолько коррумпированным и недееспособным, что протестующие осознавали бессмысленность любых социальных требований к старому правительству.

Наконец, свой вклад внесла дезориентация протестующих в социальных вопросах. Активисты как Майдана, так и Антимайдана признавали наличие одних и тех же проблем — низких зарплат и пенсий, плохо работающей медицины и социальной сферы, коррупции в образовании. Однако, во-первых, они редко задавались вопросами о причинах этих проблем и предлагали расплывчатые сценарии их решений. Во-вторых, превращению обеспокоенности социальными проблемами в социальные требования могло также препятствовать отсутствие внятных представлений о социальной структуре и своем месте в ней. Неспособность помыслить социальную структуру и определить себя внутри нее делала солидарность, основанную на классовых и социальных признаках, практически невозможной. На вопрос о том, к какому социальному классу, слою или группе они могли бы себя отнести, участники Майдана отвечали: «простой, добрый человек», «активист», «патриот», «человек разумный».

Таким образом, социальные проблемы были важны как для Майдана, так и для Антимайдана. В первом случае социальные требования были скорее латентными и блокировались националистической повесткой и войной. Во втором — проговаривались

¹⁵ Wide Dissatisfaction with Capitalism — Twenty Years after Fall of Berlin Wall // BBC World Service, 2009. URL: http://www.worldpublicopinion.org/pipa/pdf/nov09/BBC_BerlinWall_Nov09_rpt.pdf

¹⁶ Government contributes to social inequality in Ukraine // KyivPost, March 17, 2009. URL: <http://www.kyivpost.com/content/ukraine/poll-government-contributes-to-social-inequality-i.html>

напрямую, но делалось это прежде всего для того, чтобы показать недееспособность нового правительства и обосновать необходимость вмешательства России.

Майдан и Антимайдан: общая повестка?

Несмотря на политические и идеологические барьеры, которые разделяют Майдан и Антимайдан, их повестки имели множество точек пересечения. Для обоих движений, как уже было отмечено выше, была важна социальная проблематика — пенсии, зарплаты, социальные гарантии, модернизация производства. Оба движения также подчеркивали свою ненависть к олигархам и ратовали за социальную справедливость. Более того, не только сторонники Майдана, но и некоторые из участников Антимайдана критически относились к Януковичу:

«Нет, я никогда не поддерживал ни Януковича, ни Ющенко, ни Кучму. Из президентов я никого не поддерживал» (Харьков, Антимайдан, мужчина, 23 года, неоконченное высшее образование, торговец компьютерами на рынке).

Эти сходства иногда замечались активистами как с одной, так и с другой стороны. Вот как это сформулировала одна из активисток Майдана:

«Вот те люди, которые на Донбассе, они против чего борются? Они борются против киевского правительства. Но секундочку, против чего боролся Майдан? Против киевского правительства. Кому до сих пор не доверяет Майдан? Киевскому правительству. А против кого борется ДНР? Против киевского правительства. Так почему же они борются друг против друга??» (Киев, женщина, около 22 лет, студентка, фрилансер).

Нечто похожее можно было услышать и от сторонников Антимайдана:

«Хотя, грубо говоря, цели у всех там одни, да, ну то же самое, да, там коррупция, люстрация, ну мы что, за продажных судей, мы что, кричали, что мы за продажных судей или мы там за взятки? Ну, согласитесь, что Антимайдан не кричал, что давайте оставим судей, им можно деньги платить» (Харьков, Антимайдан, мужчина, около 26 лет, высшее образование, курьер);

«Вообще-то нечто общее есть [между Майданом и Антимайданом]. Понимаете, Майдан... у него была одна интересная благородная идея — свергнуть олигархов и

поставить более-менее нормальное правительство, более-менее нормальную власть» (Одесса, Антимайдан, мужчина, 23 года, высшее образование, фрилансер).

Однако несмотря на наличие общих проблем, опрошенные нами участники обоих движений не были готовы к общим действиям¹⁷. Прежде всего, национальная, локальная и имперская идентичности, разделявшие людей, оказались сильнее проблем, необходимость решения которых сближала участников обоих движений. Участие российской стороны в конфликте и попытка Киева навязать Украине как можно более унитарную модель политического устройства только усилили взаимную неприязнь.

По мере развития конфликта обе стороны демонизировали друг друга. Участники Майдана и Антимайдана навешивали друг на друга стереотипы, которые препятствовали любой попытке диалога по поводу общих проблем. Вот как осмысляла этот момент одесская активистка, которая участвовала как в Майдане, так и в Антимайдане, но так и не смогла определиться с принадлежностью к той или иной стороне:

«В какой-то момент мы, наверное, полностью поняли, что за Антимайданом, что за Майданом стоят совершенно другие люди. И они толкают какие-то идеи, а на самом деле идеи у обеих сторон одинаковые, то есть, что те хотят хорошо жить, что те хотят хорошо жить, но их как-то постоянно разводят по разные стороны и никогда не дадут им соприкоснуться, чтобы они смогли как-то мирно уладить свой конфликт и понять, что там нет бандеровцев, которые едят детей, и не знаю, каких-то националистов, которые ущемляют русский язык, и там нет, не знаю... фашистов, демонов, и нет ненормальных людей в проукраинской стороне» (Одесса, женщина, 23 года, высшее образование, журналист).

Стереотипизация, которую заметила эта информантка, усиливалась под действием пропаганды и со стороны России, и со стороны Украины, навязывающей такие ярлыки как «фашисты» и «бандеровцы» или «ватники» и «колорады». Агрессивные риторика и политика Майдана, его неудачи и методы, а также стереотипы обеих сторон вызывали ответную агрессивную реакцию Антимайдана, и наоборот. Таким образом закручивалась спираль агрессии, обвинений и насилия, что привело к невозможности каких-либо совместных действий.

Смогут ли Майдан и Антимайдан объединиться в будущем? Большинство активистов в этом сомневались — слишком большой казалась им пропасть между двумя движениями.

¹⁷ В других городах, например, в Херсоне и Николаеве Майдан и Антимайдан иногда действовали вместе. Однако на данном этапе исследования у нас недостаточно материала для анализа этих случаев.

Лишь некоторые видели возможности для сотрудничества, но — по прошествии времени, когда война отрезвит обе стороны:

«Сейчас [Майдан и Антимайдан] могут [объединиться], не сейчас даже, даже еще не сейчас, месяца через три, через четыре, когда Груз 200 в цинковых гробах начнет массово уже приходить и на Запад, и на Юг, и на Восток, вот против войны могут объединиться люди. Против того, что стало невозможно жить, настолько выросла инфляция, настолько подешевела гривна, настолько возросли коммунальные услуги возросли, вот против этого могут, да» (Одесса, Антимайдан, мужчина, 30 лет, среднее специальное образование, железнодорожник).

Однако очевидно, что время здесь — не самый главный фактор. Рефлексия, внимание к интересам оппонента, диалог — вот что действительно может преодолеть стереотипы и объединить оба движения вокруг общих вещей — социальной справедливости и политических прав.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этом отчете мы попытались показать насколько сложна и неоднозначна ситуация в Украине для всех участников конфликта, который пропаганда с обеих сторон пытается свести к противостоянию «своих» и «чужих».

Несмотря на то, что украинское протестное движение 2013-14 годов назвали Евромайданом, это название не точно отражает суть требований протестующих. Большинство из них выступали не за Евроинтеграцию, а против Януковича и острых общественных проблем: низкие зарплаты, безработица, коррупция, и др. Активисты идеализировали Европу, представляя ее в качестве образца справедливого общества, а Украину рассматривали как государство, которое должно выбрать между двумя возможностями: продолжать сотрудничество с Россией, которое неизбежно приведет к упадку, или двигаться в сторону европейских ценностей и уровня жизни, в идеале сохраняя независимость и от России, и от ЕС.

Если Майдан было бы неверно отождествлять с «европейским выбором», то Антимайдан было бы неправильно сводить к сепаратизму или требованию присоединения к России. Большинство активистов Антимайдана были обеспокоены теми же проблемами, что и участники Майдана, однако иначе видели их решение. Не поддерживая Януковича, они также не поддерживали и «методы Майдана», критикуя нелегитимный характер смены власти. Как участники Антимайдана в Харькове и Одессе, так и сторонники пророссийского движения в Крыму объясняли свои выступления в первую очередь стремлением защитить родной город или регион от угрозы, которую в их глазах представляла новая киевская власть, состоящая из бандеровцев, «правосеков» и «фашистов».

Когда в обновленной Верховной Раде был принят закон о лишении русского языка регионального статуса (который вскоре был отменен), а история Майдана дополнилась силовыми столкновениями не только с милицией и Беркутом, но и с рядовыми участниками Ан-

тимайдана, последние почувствовали себя исключенными из нового гражданского единства нации. В то время, как сторонники Майдана говорили о том, что движение объединило Украину, и гордились обретением новой национальной идентичности, их противники все меньше и меньше чувствовали себя частью страны. Ощущение исключенности из нации способствовало радикализации сторонников Антимайдана, которые постепенно переставали считать себя украинцами, начиная идентифицировать себя только с родным городом или с Россией. На момент лета 2014 года бывшие украинцы из числа участников Антимайдана уже превратились в «русских» или «одесситов» и «харьковчан». В отличие от участников Антимайдана в Одессе и Харькове, активисты пророссийского движения в Крыму говорили, что что всегда считали себя русскими, а не начали считать себя таковыми в ответ действия Майдана. Крымчане осмыслили присоединение к России как восстановление исторической справедливости, а не «ответный ход» после Майдана и начала АТО.

События, которые разделили украинское общество на два противоположных и непримиримых лагеря, не привели (возможно – пока) к значимым изменениям гражданской культуры украинского общества. Сторонники Майдана, воодушевленные опытом успешного протеста, не смогли преодолеть глубоко укорененное отвращение к политикам и политике в целом. В тот момент, когда Янукович покинул свой пост, активисты Майдана не предложили собственной альтернативы уже сложившимся за предыдущие годы элитам. Люди, готовые выходить на площадь, если власть не будет удовлетворять их требованиям, не захотели сами стать этой властью или выдвинуть низового кандидата-лидера или партию Майдана. Активисты ограничили свое участие функцией гражданского контроля. Парадоксально, но чаще всего о своей готовности принимать участие в жизни своего локального сообщества или даже занимать официальные посты в системе власти высказывались жители Крыма.

Как Майдан, так и Антимайдан оказались не способны контролировать политические и общественные процессы, которые они запустили. Военное вмешательство России, политическое давление Кремля с одной стороны и стран Запада с другой, начало Антитеррористической операции и мобилизация ополчения привели к полномасштабному гражданскому конфликту и войне. И Россия, и Украина «включили» массовую агрессивную пропаганду в СМИ. В этих условиях гражданское общество оказалось неспособным противостоять логике раскола и поляризации. Взаимная неприязнь сторонников Майдана и Антимайдана нарастала, а обоюдная дегуманизация и стереотипизация сводили на нет любую возможность договориться. И сторонники Майдана, и участники Антимайдана считали, что их противники либо «проплаченные», либо подверженные пропаганде, неспособные самостоятельно и критически мыслить люди. Эти стереотипы делали невозможными любые переговоры, потому что

не допускали, что требования и поведение другой стороны могут иметь под собой разумные основания.

Несмотря на все различия, у украинского Майдана и российского «Болотного» протеста есть много сходств. Во-первых, в обоих случаях сам опыт участия в движении и единства с другими людьми оказался для активистов настолько важным, что стал основой для их коллективной идентичности. Украинская национальная идентичность разделила общество на украинцев и не-украинцев по признаку «любви к Украине», подтверждением которой являлось участие в Майдане или его поддержка: только тот, кто поддержал Майдан, действительно любит Украину и достоин называться украинцем. Еще одно сходство российского и украинского протеста состоит в том, что оба движения отказались от политического представительства и проектов учредительной власти, не сформировав каких-либо органов или партий, которые бы могли репрезентировать протестующих на политической арене, не выдвинув новых, низовых лидеров. В результате якобы успешный украинский протест и якобы провальный русский столкнулись с одними и теми же последствиями: они не смогли произвести тех политических изменений, на которые рассчитывали изначально.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Описание данных:

Город	Движение	Количество	Дата
Киев	Майдан	41	Июль 2014
Харьков	Майдан / Антимайдан	17 / 18	Июль 2014
Одесса	Майдан / Антимайдан	20 / 16	Июль 2014
Керчь	Антимайдан	15	Июнь 2014
Севастополь	Антимайдан	17	Июль 2014